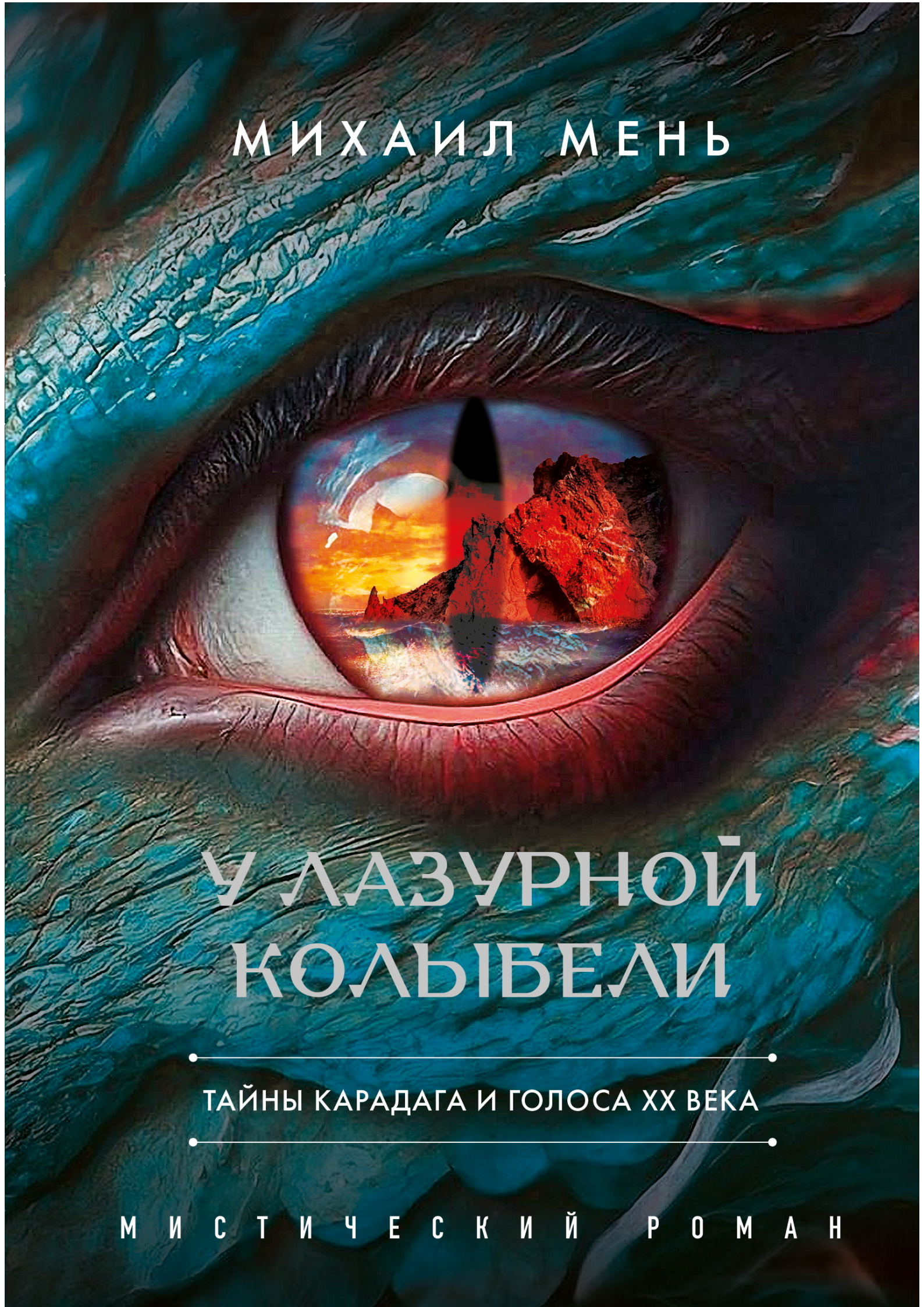

МИХАИЛ МЕНЬ

У ЛАЗУРНОЙ КОЛЫБЕЛИ

ТАЙНЫ КАРАДАГА И ГОЛОСА XX ВЕКА

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Александр Мень. Священник, пастырь и пророк

Михаил Мень

**У Лазурной колыбели. Тайны
Карадага и голоса XX века**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мень М. А.

У Лазурной колыбели. Тайны Карадага и голоса XX века /
М. А. Мень — «Эксмо», 2026 — (Александр Мень. Священник,
пастырь и пророк)

ISBN 978-5-04-254976-2

Новая книга Михаила Мень «У Лазурной колыбели» – в определённом смысле продолжение книги «Пастырь. Свет во тьме», но с иным жанровым и интонационным фокусом. Вдохновением для нового произведения стали совместные поездки автора с отцом в Коктебель – оазис культуры и свободомыслия 1960–1980-х годов. Это художественный роман, в котором реальные события XX века, крымская мифология и элементы авантюрного триллера соединяются в единое напряжённое повествование. В 1980-е годы герои романа, работая с архивными документами и легендами Карадага, случайно выходят на след засекреченных биоинженерных экспериментов, проводившихся в своё время НКВД, а также на отголоски немецких разработок времён Второй мировой войны. Их поиски приводят в подземные тоннели Карадага, и расследование стремительно превращается в борьбу за выживание. Встреча героев с отцом Александром Менем становится для них ключевой точкой осмысления происходящего. Одна из центральных идей романа – мысль о том, что знание без ответственности и без веры может быть опаснее лжи. Читателя ждёт увлекательное литературное путешествие, затрагивающее широкий круг тем: от работы советских спецслужб и жизни творческой богемы XX века – до мистики и интеллектуального напряжения в духе «Кода да Винчи».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254976-2

© Мень М. А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Предисловие	7
Пролог	9
Планёрское (Коктебель). 6 июля 1984 года	11
Коктебель. Июль 1913 года	16
Планёрское (Коктебель). 6 июля 1984 года	23
Планёрское (Коктебель). 6 июля 1984 года	29
Коктебель. Март 1920 года	30
Планёрское (Коктебель). 7 июля 1984 года	32
Москва. Август 1926 года	35
Планёрское (Коктебель). 7 июля 1984 года	40
Планёрское (Коктебель). 7 июля 1984 года	45
Коктебель. Сентябрь 1927 года	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Мень
У Лазурной колыбели. Тайны
Карадага и голоса XX века

Серия «Александр Мень. Священник, пастырь и пророк»

© Мень М.А., текст, иллюстрации, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие

Вдумчивым читателям всегда интересно, когда их посвящают в некоторые элементы литературной кухни. Думаю, что именно поэтому мудрый политик Михаил Александрович, весьма тонко чувствующий вкусы аудитории, и попросил меня написать это предисловие – тем более что все нормальные люди читают предисловия уже после того, как закроют последнюю страницу основного повествования.

Всё началось с того, что я прочёл первую книгу Михаила Мень, написанную им о своём отце. Прочёл ещё до её выхода из печати – в электронном виде.

Надо сказать, что для меня, как и для всех приличных людей в России, имя протоиерея Александра Мень было сродни... даже не знаю, какое сравнение будет наиболее точным: Булат Окуджава? Андрей Сахаров? Павел Флоренский? Некий безусловный нравственный ориентир, в последние годы в нашем мире откровенно утраченный.

Признаюсь, начал я чтение с некоторой опаской: уж больно не люблю занудный формат большинства произведений серии ЖЗЛ. Но какой же восторг я испытал, когда понял, что «Пастырь. Свет во тьме» написан как абсолютно беллетристическое произведение – да ещё и с элементами авантюрного романа! Блестяще придуманный, прописанный и решённый антигерой Извил (даже само имя в нашем подсознании рифмуется с Вельзевулом!) заставлял меня буквально аплодировать по ходу чтения.

И всё же одно меня огорчило: последние годы жизни отца Александра в той книге были прописаны почти документально. Разумеется, мне была понятна совокупность причин и обстоятельств, к этому приведших, но всё-таки...

Тогда я позвонил автору:

– Ну попробуй чуть-чуть развить сюжет, добавь немного разумной фантазии!

На что получил совершенно исчерпывающий ответ:

– Уже поздно. Книга в издательстве.

Но буквально на следующий день Михаил Александрович неожиданно предложил мне поучаствовать, в качестве редактора, в работе над следующей его книгой, в основе которой лежали его совместные поездки с отцом в Коктебель – оазис культуры и свободомыслия в 60–80-е годы. Именно эта тема и позволяла вернуться к тем годам жизни отца Александра, которые прежде оказались почти «искусственно документализированы».

Согласитесь, что от таких предложений не отказываются – тем более что Коктебель и для меня в юности значил очень многое. То самое «место силы», вдохновившее не один десяток наших писателей, поэтов, художников, музыкантов...

И – да, отец Александр Мень предстаёт в этой книге не главным героем, но выступает её нравственным центром. В 1970–80-е годы он, во время летних отпусков, подолгу жил с семьёй в Коктебеле, где вокруг него формировался круг советской интеллигенции. Встреча героев новой книги с отцом Александром становится для них ключевой точкой осмысления происходящего. Одна из центральных идей романа – мысль о том, что знание без ответственности и без веры может быть опаснее лжи. Для всех «носителей смысла» отец Александр и сегодня остаётся именно тем самым нравственным ориентиром – человеком, чьё мнение и этическая позиция были резюмирующими для авторов огромного числа литературных произведений, воспитавших наше поколение.

«У лазурной колыбели» – повесть о том, как миф предупреждает раньше истории, о свободе и цене выбора и о людях, которые слышали зов времени – но не все дожили до ответа. В ней реальные события XX века, крымская мифология и авантурный триллер соединяются в единое напряжённое повествование. Читателя ждёт увлекательное литературное произведе-

ние, затрагивающее разные темы: от работы советских спецслужб и жизни творческой богемы XX века до мистики в стиле «Кода да Винчи».

Я признателен Михаилу Александровичу, что он доверил мне редактирование этой книги, и я горжусь причастностью к этой, с моей точки зрения, прорывной работе, которая в эпоху торжества липовой политкорректности, клипового монтажа и искусственного интеллекта позволяет в авантюрной форме открыть – и для нового поколения – некие прописные истины, позволившие так называемым «шестидесятникам» достичь вершин мастерства, в большинстве своём недостижимых и сегодня.

Вдумчивый читатель этих строк, безусловно, заметит и тот «мостик», который оставлен автором в сюжете для возможного продолжения. Его основные линии, как я понимаю, уже намечены, однако вопрос целесообразности такой работы зависит – как ни странно – именно от этого самого читателя и от судьбы книги, которую он держит в своих руках.

Сергей МИРОВ

Пролог

Убедительно прошу читателей отнестись творчески ко всем знакомым именам, которые встретятся вам на этих страницах. Поверьте автору, все они – просто литературные персонажи, не более.

Хотя...

В Коктебеле, в Коктебеле,
У лазурной колыбели —
Весь цвет литературы ЭсЭсЭр!

Юлий Ким

...Стоят карадагские скалы, словно древние идолы, временем вылепленные из чёрного стекла.

Вечерами они напоминают окаменевших драконов, запечатлённых в приступе ярости или боли, а ночью... ночью между скалами всегда дует ветер, но не тот, что днём гоняет чаек по побережью, а другой – тёплый, глухой, будто веющий из глубин земли...

Курортный сезон в Крыму набирает обороты! Рынки наполняются фруктами, на пляжах весело кричат дети, везде царит запах жареного мяса и специй...

Вроде бы всё как обычно, только в воздухе висит что-то тревожное, как комариный писк в тишине: не поймёшь откуда, но звон в ушах досадно отвлекает от приятного.

Сначала вдруг пропал рыбак.

Местный, из Коктебеля. Пошёл на моторке проверить сети и не вернулся. Нашли лодку – пустую, с покорёженным бортом и ключьями рыболовной сетки, запутавшейся в винте. Непонятно это было: море спокойное – никаких волн, даже лёгкой зыби не было.

Вторым стал парень из Саратова. Он нырял с маской у Тихой бухты. Его друзья на берегу решили, что тот уплыл в сторону Карадага: он хорошо плавал и любил преодолевать длинные расстояния вдоль всего побережья.

Спохватились только под вечер, но тело так и не нашли.

Нашли ласту, разорванную пополам.

Газеты молчали, да и никакого расследования не было, но на набережной вместе с явным фотомонтажом стали продавать странные фото: на одном – окровавленная галька, на другом – рябь на совершенно спокойной воде, будто под ней движется огромное тяжёлое нечто.

И все упоминали про какого-то мальчика, который якобы кричал на пляже:

– Мама, я змея видел!

Потом появились статуэтки. Каменные, чёрные, с витиеватыми узорами.

Змееподобные.

На набережной старик-татарин продавал их по полтора рубля за штуку. У него спрашивали:

– Это какой змей? Тот, что из легенды?

Он кивал и улыбался беззубо:

– Карадагский. Старый... Хозяин!

Никто толком не знал, откуда пошла эта традиция, но всяк турист норовил увезти такого Змея с собой.

Планёрское (Коктебель). 6 июля 1984 года

А коктебельская жизнь текла своим чередом: у литераторов одни заботы, у диких курортников совершенно другие, у местных жителей – третьи.

Олег Князев подошёл к городской Сберкассе и огляделся по сторонам. Все было как обычно: у винной бочки стояла длинная очередь курортников, желающих наполнить чайники белым крымским вином по совершенно волшебной цене.

Такая же очередь огибала переговорный пункт, где из душной кабинки почти всегда можно было связаться с далёким домом.

Ну и, естественно, громко журчала очередь поклонниц к поэту Евтушенко, который, как бы случайно, явился своему народу в невиданно яркой гавайской рубашке и увлечённо-снисходительно раздавал автографы.

На календаре было 6 июля, пятница, впереди выходные, а значит, очередная порция пенсии уже пополнила Олегову сберкнижку.

Пенсия...

Всего тридцать пять лет, а уже пенсионер по инвалидности, «человек с ограниченными возможностями по трудовой деятельности».

Пенсия была немаленькая, кстати. Вполне позволяла жить безбедно, не заселяя к себе курортников, хотя родители ещё в шестидесятые поставили на участке пару домиков, подходящих для размещения отдыхающих семей, и вполне удачно селили жильцов, но – нет. Олег категорически не желал видеть в своём доме посторонних, хотя соседи и крутили у виска пальцами – минимум червонец в день человек выбрасывает!

Безумно хотелось курить. Пошёл уже второй год без сигарет, а вот не отвыкал от них никак организм Олега. Всё время пальцы привычно шевелились, залезая в нагрудный карман, где раньше лежала пачка сигарет «Союз-Аполлон», которые для Олега всегда оставляла буфетчица Рая на их базе в Кронштадте.

Около окошка № 4 в Сберкассе очереди не было. Олег протянул свой паспорт и сберкнижку, хмурая кассирша привычно всё проверила, зачем-то посмотрев на свет.

– Всю сумму забирать будете?

– Нет. Выдайте мне, пожалуйста, сто двадцать рублей, остальные оставьте на книжке.

Он копил на свой собственный хороший акваланг.

Погружаться ему категорически не рекомендовали врачи, но совсем без глубины он свою жизнь уже не представлял. Полгода назад он завёл знакомство на спасательной станции и раз в неделю брал средства для погружения в неофициальную аренду. Конечно, этот хлам был жалким подобием итальянского Cressi-Sub или Pirelli, на котором работала флотская разведка последние годы. Именно за него знакомый моряк объявил две тысячи рублей. А пока – терпи, Олег, ныряй с чужим АВМ–5. «За неимением горничной приходится трахать дворника», как любил весело шутить их боцман Репетуй.

«Баклажан», то есть двадцать пять рублей, которые каждую неделю получал от Олега спасатель, тоже были весьма ощутимой суммой, но никаких документов никто не оформлял. Олег просто брал на пару часов моторку, акваланг с маской и шёл на глубину. Его не интересовали красоты подводных гротов Карадага и уж тем более потерянные купальщиками ценности.

Ему просто необходимо было ещё раз ощутить себя частью Большого Моря, которой он был в течение последних пятнадцати лет. И наплевать, какое это море – Балтийское, Чёрное, Белое, Красное или Жёлтое.

Когда Олег вышел из Сберкасс, очереди отнюдь не усохли, а вокруг Евтушенко даже образовалась настоящая толпа: видимо, народный кумир начал вслух декламировать свои последние произведения.

Олег усмехнулся.

Мимо прошла пара подружек-курортниц, причём обе задержали на нём свои любопытные взгляды на пару секунд дольше, чем предполагала ситуация. Ну да, конечно, по нему невооружённым взглядом было видно, что он не просто отдыхающий. Широкие плечи с многолетней выправкой и модный джинсовый костюм Super Rifle делали своё дело.

Олег снова усмехнулся и в очередной раз подумал, что пора бы заняться каким-нибудь достойным делом – в спасатели, что ли, пойти? Или взять в аренду катер и катать отдыхающих по морю... А может, открыть секцию обучения подводному плаванию?

Впрочем, жажда деятельности пока ещё не взяла верх над ощущением того, что все эти занятия являются лишь жалким подобием настоящей работы.

Внезапно взгляд Олега остановился на паре пацанов лет пятнадцати-шестнадцати, целеустремлённо следовавших за молодой женщиной с не очень обычной здесь, явно «фирменной», кожаной сумкой через плечо. Олег инстинктивно пошёл за этой группой по противоположной стороне улицы.

Так и есть. Парни явно прицелились на сумку отпускницы.

Ну а дальше последовала традиционная сцена «разводки»: парни, громко смеясь, затеяли шуточную потасовку, причём один из них вроде бы как прятался за девушкой, а второй его весело преследовал, хватая за руки и буквально притираясь к жертве. Через минуту дело было сделано: кожаная сумочка аккуратно разрезана, и кошелёк переехал в карман одного из парней, которые продолжали свою игру, уже отдаляясь от девушки.

Олег не спеша пошёл за парнями, завернувшими за угол, и в ближайшем тупике заметил юных щипачей за рассмотрением содержания бумажника.

Недолго думая, Олег без размаха, резкошибанул пацанов лбами друг об друга и, пока они ошеломлённо сидели на земле, молча подобрал бумажник, лежащий между ними.

Сцена заняла всего-то три-четыре секунды. Один из мальчишек пытался что-то сказать, но Олег тихо прервал:

– Сидеть смирно и не дёргаться! – и, уже выходя из тупичка, ускорил шаг, чтобы догнать ничего не подозревавшую отпускницу.

– Извините!

Девушка хмуро оглянулась. Совершенно понятно, что в Коктебеле её уже не первый раз окликали на улице, но она явно не была настроена на знакомство.

– В чем дело?

– Знаете, по-моему, это ваше, – Олег с улыбкой протянул девушке кошелёк.

– Ой! – Она резко подняла сумку и увидела длинный разрез. – Вот мерзавцы!

– Совершенно согласен с вашей оценкой. Но содержимое бумажника в полной сохранности, жалко только испорченную сумочку.

– Спасибо вам... огромное!

– Меня зовут Олег.

Девушка выдержала короткую паузу, но все-таки ответила:

– Я Ирина. Только... не нужно предлагать меня проводить до дома.

– Правда? Я, честно говоря, не думал, но... спасибо за хорошую идею!

– Ох... ну неужели ни к чему не обязывающий курортный роман есть предел мечтаний любого отдыхающего мужчины?

– Не знаю. Не имею чести быть отдыхающим. Вернее...

Олег вдруг задумался: а кто же он ещё-то? Именно отдыхающий, причём если у всех остальных отпуск ограничен двумя-тремя неделями, то у него эта радость уже на всю оставшуюся жизнь.

– Извините, я не хотела вас обидеть!

– А вы и не обидели.

– Просто лицо у вас стало какое-то очень жёсткое. Я что-то больное задела?

Олег улыбнулся одним уголком рта:

– Я здесь живу постоянно, переехал в дом родителей, как только получил пенсию. По инвалидности. Значит, вы правы, я – отдыхающий. Всего хорошего и будьте внимательны.

Олег развернулся и пошёл по направлению к дому. Было неожиданно обидно. Девушка отнюдь не отвечала его идеалам красоты, но было в ней что-то такое, что напомнило маму, когда та была молодой.

«А может быть, хватит играть “одинокое волка”? Может, пора уже завести если не семью, то хотя бы постоянную девушку? Да и друзьями он здесь пока так и не обзавёлся. Люди вокруг совершенно не виноваты в том, что его последние романтические отношения оставили глубокий рубец на его сердце, а единственный друг, Васька Журавлёв, остался на дне возле порта в Луанде... Он ведь даже и не всплывёт никогда: тяжёлый акваланг работает лучше колосника, с которым раньше было принято хоронить моряков...»

Совершенно неожиданно Олег ощутил острый приступ одиночества, периодически накрывавший его панической атакой в течение последнего года.

Ирина тоже расстроилась.

И дело было даже не в испорченной сумке, которую она купила всего пару недель назад в Белграде на сэкономленные командировочные. Просто обижать хорошего и весьма симпатичного мужика ей совершенно не хотелось, но безумно надоело всякий раз в Коктебеле ощущать себя словно мёдом намазанной!

После развода с Виталием у неё уже второй год не было никакого настроения на роман, тем более курортный. Хотелось перезагрузиться. Уже и волосы не укладывала, и очки надевала совершенно идиотские, и платье ниже колен, а всё равно!

Ирина регулярно проводила отпуск в Коктебеле, но её целью были совсем не море и солнце: у школьной учительницы русского языка и литературы Ирины Михайловны Малюк были весьма серьёзные амбиции, в связи с чем она работала над кандидатской диссертацией по стихам поэтов Серебряного века и по этой же причине периодически бывала приглашена на международные конгрессы.

Труднее всего было то, что большую часть имён этого круга настоятельно рекомендовалось обходить – Гумилёв, Цветаева, Ходасевич... не говоря уж про Кузмина! Да и материалов по ним в хранилищах было с гулькин нос. А здесь, в «Доме Волошина», ей позволяли работать с местными архивами.

– Ирина, подождите!

Ох, да это Олег! Ну слава богу, значит, не так уж он и обиделся.

– Ира, я тут подумал... Вам здесь сумку никто нормально починить не сможет, а у меня дома своя мастерская и хороший сапожный клей. Дайте её мне, я вам в залог оставлю паспорт, а завтра заберёте уже готовую.

Ирину разобрал смех:

– Господи, какой паспорт! Олег, вы с ума сошли? Вы тут меня, можно сказать, спасли, а я у вас буду брать паспорт в залог? Идти до вас далеко?

Олег растерялся от этой внезапной перемены: Ирина даже внешне изменилась, когда на её лице появилась улыбка.

– Нет, минут десять вверх по главной улице.

– Ленина?

После короткой паузы Олег уточнил:

– Местные её называют «улица Десантников».

– Да, после войны её чуть было так и не назвали. Но официально осталась «Ленина», а ещё раньше – «Центральная».

– Вы знаете историю Коктебеля? Откуда?

– Думаю, что я её знаю даже лучше большинства местных.

– Ну, это неудивительно. Большинство местных здесь поселились только после войны.

Мои родители тоже.

Ирина посмотрела на Олега, молча кивнула, догадываясь, о чем речь, и беседа прервалась.

Перед ними шла компания друзей, судя по совершенно белой коже, приехавших буквально вчера. В компании, как и положено, был один «знаток», который авторитетно вещал:

– Коктебель – совершенно уникальное место! Вон, посмотрите на скалу, видите профиль Пушкина? А ведь он украшает местный пейзаж уже много сотен тысяч лет!

Ирину буквально передёрнуло:

– Простите, уважаемый, я вынуждена вмешаться в вашу беседу, но это профиль не Пушкина, а Волошина!

– Кого-о?

– Был такой поэт в начале века – Максимилиан Волошин. Он здесь жил, и, собственно, благодаря ему Коктебель начал развиваться как курорт, а Дом творчества писателей образовался непосредственно в волошинском доме, куда сначала приезжали все его друзья, тоже литераторы. И все удивлялись, насколько скала похожа на его настоящий профиль.

– Ой, да ладно! Мне ещё в Москве говорили, что здесь есть профиль Пушкина!

Тут включился Олег:

– Это правда, есть. Посмотрите вон туда, видите? У нас гору Сюрюк-Кая называют «Пушкин в гробу».

Компания повернулась в указанном направлении, и, судя по издаваемым звукам, профиль Пушкина им таки показался.

Олег с Ириной продолжили идти дальше, и он вдруг продекламировал наизусть:

*И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой!*

– Ух ты! Вот уж не ожидала, что вы знаете стихи Большого Макса!

– Я здесь родился и вырос. А мой отец ещё до войны работал в этих краях. Про Волошина он никогда не говорил, даже накричал на меня, когда я принёс это имя из школы. Сложный он был человек, мой... батюшка. Ну, а я, как и положено мальчишкам, сразу заинтересовался запретной темой. Сначала взял журналы в библиотеке, а потом пришёл в его Дом, и чем-то приглянулся Марии Степановне... Она мне даже сама про Макса немного рассказывала.

– Ой, Олег! Так мне же всё это очень нужно! Я-то её уже не застала, а сейчас про окружение Волошина диссертацию пишу!

– А-а, так вы здесь не курортница?

– Ну... курортница тоже. Я учитель литературы в школе, но параллельно поступила в заочную аспирантуру в Ленинском «педе» и заявила диссертацию на тему «Источники вдохновения поэтов Серебряного века на примере Максимилиана Волошина и его ближнего круга». Могу даже похвастаться: две недели назад делала на эту тему доклад на конгрессе в Белграде. Ну а приезжать сюда возможность есть исключительно в отпуск.

Олег хмыкнул:

– Мистик он был, ваш Волошин. И все его друзья тоже. Впрочем, место здесь подходящее – скалы, прибой, подземелья, гроты... Вот, снова про Карадагского Змея трёп пошёл, слышали, видимо? А ведь и сам Волошин был не чужд баек про этого Змея!

Ирина смотрела на Олега сквозь очки, которые делали её и так большие глаза просто огромными:

– Значит так, уважаемый. Про сумочку мы сейчас можем уже забыть, но все, что знаете о том времени от Марии Степановны и вашего отца, вы мне просто обязаны рассказать!

Олег снова хмыкнул:

– Прямо обязан? Тогда, конечно, расскажу, но про сумочку мы забывать всё же не будем, тем более что уже пришли. Вот мой дом. Правда, честно говоря, я мало что помню из рассказов Марии Степановны – мне тогда четырнадцать лет было, балбес однозначный. А с отцом... знаете, не сложилось у нас с ним контакта. Потом призвали меня во флот, после срочной поступил в училище, в Ленинграде получил квартиру... А сюда вернулся уже... после всего.

Олегу было явно не очень комфортно говорить на эту тему, и Ирина решила сменить направление беседы:

– А в каком училище готовят столь разносторонне образованных офицеров? Ну, если это не военная тайна, конечно.

– Ну... это как раз не тайна. Есть такое заведение с очень неудобным названием – ЛВВ-МУПП, Ленинградское высшее военно-морское училище подводного плавания им. Ленинского комсомола.

– А где вас... – Ирина сделала странный жест обеими руками, но Олег понял, что разговор перешёл на его ранение.

– А вот это уже тайна. Я, конечно, мог бы сказать, что в казарме кто-то в неположенном месте покурил, а я спасал казённое имущество и надышался дымом, но вы бы мне не поверили и были бы правы. Садитесь вот здесь, в беседке, выгружайте бумаги из сумки и давайте её сюда. В мастерскую не приглашаю, там бардак, а я сам всё быстренько зачищу, проклею и минут через десять вернусь. Кстати, чаю хотите? Сейчас чайник поставлю.

Ирина осталась в старой беседке и осмотрелась. Никакой заброшенностью и не пахло, но холостяцкий дух отчётливо прослеживался.

Олег и впрямь вернулся очень быстро – чайник на уличной конфорке даже не успел вскипеть.

– Ира, сумка готова, только ей нужно ещё около часа побыть под прессом, чтобы клей успел прочно схватиться. У вас есть время?

Удивляясь сама себе, Ирина ответила:

– У меня есть ровно столько времени, чтобы вы рассказали всё, что знаете про Волошина. Раз уж я сюда пришла.

Коктебель. Июль 1913 года

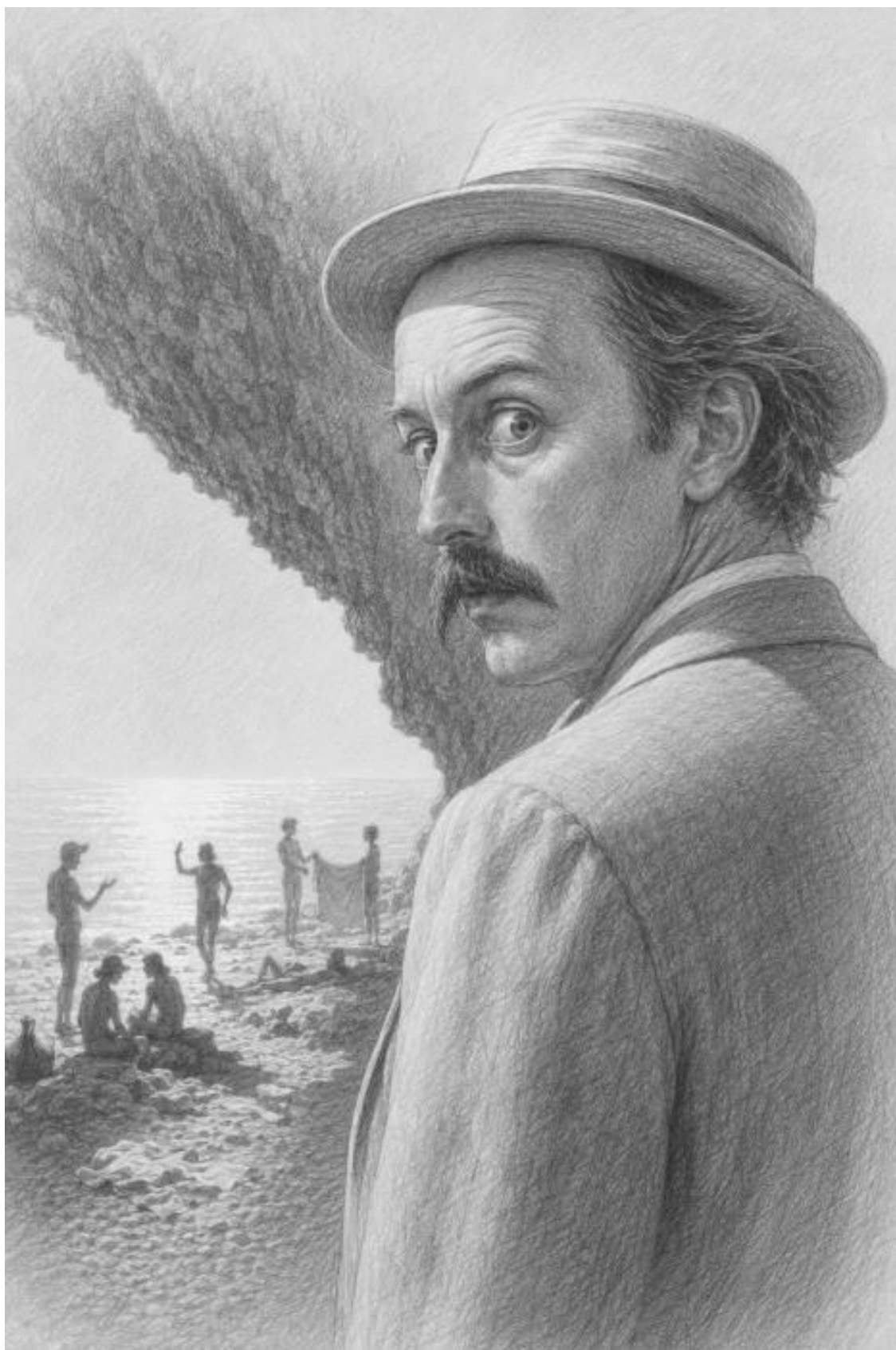
– К Макс, говорите? А вы кто будете?

На ступеньках, немного растерянно, стоял высокий бледный человек лет тридцати с лишним, в аккуратной шляпе, с чемоданчиком:

– Я – Андрей Белый, многоуважаемая Елена Оттовна. То есть Борис Бугаев... Хотя нет: всё-таки Андрей Белый.

– Знаем мы, знаем, – добродушно усмехнулась Пра, мать Волошина. – Обормот вы, как и все эти поэты. «Обормоты» – это не обидное, это у нас всех тут диагноз такой. Оставляйте свой чемоданчик, я вам комнату определю и туда отнесу. Макс у моря, с остальными... – она с долей театральности прищурилась. – Купаются. Идите вон туда, по тропке, вдоль моря и найдёте своих... обормотов.

Белый церемонно поклонился, поблагодарил и двинулся по тропе, ещё не понимая, почему знаменитая Пра назвала всю компанию обормотами. Но уже за третьим поворотом, после первой Лягушачьей бухты, увидел то, что надолго врежется в его память: на узкой полоске пляжа, под скалой, были набросаны разноцветные покрывала, кучки одежды, книги, стояла большая бутылка с крымским вином, а среди всего этого в самодостаточном великолепии стояла, лежала и сидела яркая разномастная компания... совершенно голые!

Чуковский, длинный и несуразный, как богомол, размахивал руками, что-то объясняя Асе Цветаевой. Мандельштам лежал на спине с книгой на лице. Михаил Кузмин, стройный и сдержанный, с ленивой улыбкой протягивал полотенце худому рыжему мужчине с почти

подростковым лицом. Сёстры Цветаевы сидели на камне, болтая ногами, Ася весело смеялась, а Марина что-то записывала в блокнот. Но все – совершенно без одежды, если не считать сандалий Макса и повязки на голове у Марины!

Белый остановился как вкопанный. Потом аккуратно кашлянул:

– Господа... прошу прощения...

– Ах, да вот же он, наконец-то! – радостно воскликнул Волошин, подходя к нему. – Белый! Наш Андрей! Снимай-ка всё лишнее и – в стихию!

– Простите... – начал Белый, смущаясь.

– Тут тебе никто не простит скромности, – перебил его Чуковский, – но и особого внимания не ожидай. Это знак нашего долгожданного единения с природой.

Белый обвёл глазами демонстративно индифферентные друг к другу тела, поправил очки и продолжил с негодованием:

– Нет, милые! Срамота ваша совсем не знак, а просто декаданс какой-то! Ходите тут нагишом, как сектанты... Греки хоть в гимназиях разоблачались, а вы по кустам. Природа, говорите?..

Волошин, наливая себе вино, спокойно ответил новоявленному моралисту:

– А ты попробуй, пройди по пляжу, освобождённый от ткани, от стыда, от условностей. Тогда и дух твой заговорит в полную силу. На Карадаге сегодня – голое время.

Михаил Кузмин, улыбаясь, подхватил тему:

– Андрюша, голое тело – это лишь форма, позволяющая не прятать от людей ни чистых мыслей, ни светлой кожи.

Корней Чуковский отреагировал саркастично:

– О да, кожа-то у нас исключительно философская! Особенно, вон – у спутника Михаила Алексеевича.

Незнакомый Белому приятель Кузмина молча улыбнулся, не открывая глаз.

Никто как бы не замечал упрямо стоящего посреди нудистов Белого, который был по-настоящему шокирован, причём не столько наготой, сколько абсолютной будничностью этой наготы!

Осип Манделыштам, не поднимая с лица книгу, спросил в пространство:

– Кстати, кто там ещё приезжал в Ялту? Какой-то англичанин, спиритов изучает. Дойль, что ли?

Волошин оживлённо включился в разговор:

– Сэр Артур Конан Дойл! Я слышал о нём и очень хотел бы с ним поговорить... Ему бы сюда, на Карадаг. Он бы понял: духи глубин гораздо древнее, чем души умерших!

Марина Цветаева уточнила:

– Разве он поэт? Поэты – первые, кто чувствует, как шевелится земля. Для этого нужны не сейсмографы, а стихи.

Михаил Кузмин открыл глаза и спросил Марину:

– Выходит, что змей – это рифма, вырванная из недр?

Белый даже мотнул головой, ничего не понимая, но тут усатый и носатый Корней Чуковский резко приземлил общий возвышенный тон:

– Андрей, ты лучше скажи: крокодила по дороге видел?

– Какого крокодила?.. – ещё больше растерялся Белый.

– Кора, милый, нужно же господину Белому всё объяснить! – вмешалась Ася Цветаева. – Так вот, я ночью слышала, как море шептало про Атлантиду, а Макс вчера вечером утверждал, что видел здесь морского змея!

– Ага, – поддакнул Кузмин, – большого, скользкого, блестящего... ну, вы поняли.

Марина Цветаева совершенно серьёзно продолжила тему сестры:

– Всё великое начинается с шёпота. И змей – это знак. Для кого-то беда, для кого-то шаг к истине.

Волошин вскочил. В кожаных сандалиях, с копной волос и видом языческого жреца он темпераментно развил тему:

– Я говорю вам, друзья мои, это не было галлюцинацией! В ту ночь Карадаг дышал, как живое существо. Я видел, как из воды поднялась тень. И шея – длинная, гибкая, как у гидры! И спина, извивающаяся, словно змея... И это было не существо, нет, это – явление природы и вечности! Он посмотрел на меня, как смотрит стихия.

Кузмин моментально среагировал:

*Не разберу – змей иль стихия?
Теперь о них пишу стихи я!*

Общий, совсем не обидный смех прервал Чуковский:

– Макс, ты уж прости, но тебе не стихия, тебе компресс холодный нужен. Вон как вино тебя... прогрело! В общем, так, господа, есть тема для буриме: «По пляжу проходила большая крокодила!»

И началось. Каждый из присутствующих сыпал строками:

– Хвостом виляла у дельфинов в стаде...

– Цветных сестричек напугав в уславе...

– Кузмин сказал: «Подумаешь, змея!»

– Бугаев прошептал: «Моё второе Я...»

Белый резко вскочил:

– Здесь нет Бугаева! Я же просил... Я – Андрей Белый!

Чуковский расхохотался, радуясь, что провокация сработала:

– Прости, дорогой, я все никак не привыкну к твоему раздвоению!

Смех, переключка, выкрики, солнце, шум прибоя. Белый уже не сопротивлялся. Он снял шляпу, потом расстегнул воротник, потом – всё остальное и, глядя в сторону, произнёс свою строчку:

О, Коктебель, где пляшут змееноги...

Чуковский снова взял на себя роль мэтра:

– Послушайте, господа! Давайте будем аккуратны с размером и рифмами! Возьмём за эталон упрощённый четырёхстопный хорей с анакрузой. Это же потом и петь будут: «По пляжу проходила большая крокодила, она, она зелёная была!»

Волошин пытался возразить:

– Да нет же, друзья мои, змей не был зелёным – он, скорее, чёрный, с оттенками в синеву...

Марина, на секунду замешкавшись и не обращая внимания на Макса, продолжила предложенную Чуковским игру:

*Моей сестрой былинной,
Но масти не звериной —
Она была: блеск глаз и плеск весла!*

Михаил Кузмин сладко потянулся на своём багровом покрывале и с улыбкой выдал в пространство две строки:

*О, как же манил моряков
Изгиб её серебристо-чёрный!*

Чуковский снова заголосил с притворным гневом:

– Миша! Я же просил! Ну хотя бы для разнообразия, хоть одну рифму!

Кузмин, поморщившись, уступил:

– Ладно, ладно:

Она, она – во грех меня звала!

Ася Цветаева зааплодировала:

– Вот, другое дело! А почему наш Осип молчит? Кора, заставьте Мандельштама включиться!

Мандельштам и одетый-то всегда выглядел нелепо – худой, сутулый, бледнокожий, – а голый он изо всех сил пытался преодолеть неуверенность в собственном теле и молчал, не привлекая к себе лишнего внимания. Его выручил Чуковский:

– А сама-то? Сначала сама, Асенька!

– Ну хорошо:

*Я слышала: в прибое
Она дышала зноем.
Она, она стенала и ждала...*

Тут неожиданно обрёл голос и спутник Кузмина, литовец Юркун. Стройный, веснушчатый, с огненно-рыжими волосами, он походил скорее на упрямого мальчишку из мифа, чем на близкого друга классика. Его манера держаться нагим была вызывающе независимой, и он ловил взгляды женщин с той же лёгкой издёвкой, с какой держал бокал вина:

Звала-звала, а утром уплыла!

Все расхохотались, только Волошин сказал с лёгкой обидой:

– Господа... друзья... вы всё шутите, а я же – серьёзно!..

Но его никто не слушал, потому что свои долгожданные строчки выдал Осип Мандельштам:

*Её глаза бездонны,
И мы ей бьём поклоны.
Она, она – сломала времена!*

Все принялись аплодировать, а Волошин даже подпрыгнул:

– Осип! Блестяще! Умница! Ты один лишь меня здесь услышал! Да, именно так все и было!

Когда все перестали восхищаться, Ася Цветаева продолжила будоражить мэтров:

– Господин Белый, ну а вы-то что молчите? Я уверена, что у вас уже сложился готовый шедевр!

Белый пожал плечами:

– Видите ли... я не умею стискивать себя различными рамками. Впрочем, если уж так пошло, то извольте:

*Волошин, среди ночи встав,
От чувств немея,
Средь злого одиночества
Увидел змея...*

Реакцией было молчание. Нарушил его Кузмин:

– Какое же тут одиночество? Макс тут ни часа не бывает один – всегда какие-нибудь гости!

Белый посмотрел на него с иронией:

– А ты задумайся, Миша: настоящий поэт всегда одинок, даже среди шумной толпы...

Возникла пауза, которую прервал сам Белый:

– Макс... Несмотря на то что мы все здесь, так сказать – «а натюрель», позволю поинтересоваться: у нас будет возможность познакомиться с твоей таинственной испанкой, Черубиной де Габри-ак? Лично я бы очень хотел её увидеть!

Не дожидаясь ответа Волошина, снова встрял язвительный Чуковский:

– Думается мне, господин Белый, что её бы ты, как и большинство кавалеров наших двух столиц, хотел бы увидеть как раз без покровов, не так ли?

– Оставь свои инсинуации, Кора! Я ведь могу и обидеться!

Ответ на вопрос Андрея Белого тут интересовал практически всех, включая Кузмина и Юрку-на. Поэты выжидающе смотрели на Волошина, но он, состроив кислую мину, вздохнул:

– Нет, господа. Черубина уже несколько лет не устаивала своим вниманием мою скромную крымскую обитель, – и он озорно улыбнулся, – так что в облике «а натюрель» придётся вам здесь довольствоваться мной и друг другом!

– Макс, а кстати, инцидент с Шаганом у тебя полностью исчерпан? А то ведь мало кто может похвастаться, что его боевой офицер на дуэль вызвал...

– Вполне, вполне, господа. Мы с Николаем практически восстановили наши дружеские отношения. И, возможно, они с Анной здесь появятся к новолунию.

В этот момент на тропинке внизу появился мальчишка в белой рубашке и с подносом.

– Эй, господа обормоты! Мама велела покушать, – весело сказал он. – А то ведь с утра никто – ни крошки!

Кузмин оживился:

– Шамиль, ангел ты наш коктебельский! – радостно воскликнул Волошин. – О, посланец небесной трапезы!

Мальчишка разложил на плоском камне миски с брынзой, виноград, лепёшки.

– Здесь у нас нужно так: сначала завтрак, – сказал он серьёзно. – А потом – в море!

Все радостно закричали, а Чуковский уверенно закончил буриме:

– И всё-таки, господа... «Она, она – голодная была!»

Вся компания со смехом переместилась к импровизированному столу, и вскоре в Лягушачьей бухте воцарилась естественная тишина.

Поэты вкушали!

Впрочем, через некоторое время Макс Волошин, проглотив кусочек сыра с виноградом, снова привлёк к себе внимание:

– Слышите?..

Продолжившееся сосредоточенное жевание означало, что никто ничего такого не слышит, тогда Волошин продолжил:

– Сегодня оно дышит ровно. Это хорошо, – и после паузы закончил свою мысль: – Но, друзья мои, если однажды оно задышит иначе, не пишите стихов, поздно. Бейте в колокол!

Избранные заметки из российских газет. 1913 г.

«КРЫМСКИЙ ВЕСТНИКЪ»

Литературный бомондъ въ Коктебеле

Коктебель, нашъ тихій уголокъ на берегу Чёрнаго моря, нынѣ сталъ местомъ настоящаго паломничества для представителей столичной и провинціальной словесности. Въ гостепріимномъ доме поэта и художника Максимиліана Александровича Волошина ежедневно собираются писатели, поэты, критики, люди искусства, чтобы въ свободной и непринужденной бесѣдѣ обмѣняться мыслями о судьбахъ русской культуры.

Здѣсь уже видели Александра Блока, Андрея Белого, Корнея Чуковского, Осипа Мандельштама, Марину и Анастасію Цветаевыхъ, Михаила Кузмина и многія другія имена, составляющія гордость нашей словесности. Вечерами, при свѣчахъ или на берегу моря, раздаются новыя стихи, читаемыя авторами, споръ о поэзіи и философіи, о мистицизмѣ и революціи.

Домъ Волошина сталъ подлиннымъ культурнымъ центромъ, куда съ охотой тянется молодежь и куда уже спешатъ изъ Феодосіи и даже изъ Севастополя, дабы услышать живое слово поэтовъ, нынѣ столь редко выступающихъ передъ широкой публикой.

Такимъ образомъ, Коктебель въ лето 1913 года явился своеобразными «Афинами Тавриды», и, быть можетъ, съ теченіемъ времени имя этого места будетъ связано съ цілою эпохой русской духовной жизни.

Планёрское (Коктебель). 6 июля 1984 года

Олег улыбнулся уже знакомой асимметричной улыбкой:

– К чаю есть конфеты, правда, сколько они у меня здесь лежат, я не помню. Надеюсь, не с Серебряного века. А про Волошина... знаете, я думаю, сначала нам стоит посмотреть архив отца. Честно говоря, я в него ни разу не заглядывал с тех пор, как вернулся. Видимо, совсем плохой я сын. Сейчас принесу.

Этого Ирина понять не могла. У неё самой были не самые простые отношения с родителями, которые постоянно лезли в её жизнь, особенно перед окончательным разводом с бывшим мужем, но так, чтобы вообще не общаться и даже на похороны не приехать...

Видимо, эти мысли были написаны у неё на лице, потому что Олег, вернувшийся с большой коробкой, смущённо хмыкнул:

– Понимаете, Ира... вышло так, что отношения у нас были очень... поганые. А кроме того, с нашей семьёй даже соседи не общались, не любили отца здесь крепко, да, в общем-то, было за что.

– Простите, Олег, он что, участвовал в...

– Он об этом не рассказывал. Только уже в училище мне замполит рассказал, за что майор НКВД здесь получал «Красное Знамя». А он сам, да и мама молчали – видимо, понимали, что гордиться тут особенно нечем.

– Простите меня, я не хотела...

– Да ладно. А мама... она бы могла тут с людьми сойтись, но ей все время казалось, что она так мужа своего предаст. Она и со мной-то перед армией... держала дистанцию. Вот так и прожили они здесь четверть века бирюками. Но на похороны я не поэтому не приехал. Очень далеко я был. Даже если бы захотел, все равно бы не успел – ни к маме, потому что на задании был, ни к отцу, потому что лежал в госпитале. Хоронили отца местный военкомат, милиция и совет ветеранов. Они же имущество описали и дом опечатали. Написали, что именное оружие с гравировкой «Почётному чекисту» в музей забрали и я смогу его себе вернуть, когда все документы оформлю. Но я не хочу. Я сюда переехал только через год, уже... на пенсию, когда понял, что на работу вернуться никогда не смогу...

Олег как бы запнулся, несколько секунд помолчал, а потом продолжил с каким-то удивлённым возмущением:

– Слушайте, а я ведь ещё ни перед кем так не исповедовался!

Ирина растерялась:

– Если хотите, я... сейчас уйду.

«А действительно, чего это я решил разоткровенничаться с совершенно незнакомым человеком? Мне это надо? А, знаешь, наверное – надо. Ты всю жизнь живёшь, держа душу под замком: сначала не хотел раскрывать её перед неуважаемым и совершенно чужим, холодным человеком, каким для тебя был отец, потом – государственная тайна, частью которой ты стал в силу профессии... Да тебе просто нужно перед кем-нибудь раскрыться!»

Олег ещё немного помолчал и улыбнулся:

– Ладно, давайте начнём.

И с той же своей кривой улыбкой откинул крышку картонной коробки.

На самом верху пачки документов лежал незапечатанный конверт. Олег достал из него несколько листков и начал нейтральным голосом читать вслух:

– «Здравствуй, дорогой сынок, родной Олежа. Если ты читаешь это письмо, значит, всё-таки решил приехать к себе домой. Спасибо. Я знаю, что сильно виноват перед тобой, да и перед собой, наверное, тоже. Грехов на мне много, но ты сам знаешь, что такое служба, а время

было такое, что совсем невиноватые у нас тогда жили совсем мало. Я мог бы тебе рассказать многое, но времени у меня уже совсем нет, и я скажу тебе только одну очень важную вещь: Карадагский Змей, про которого тут опять заговорили – это не сказка и не легенда. Ты никогда не спрашивал меня, почему мы с мамой поселились в Планёрском и какая работа у меня была до войны, так вот, читай теперь. Впервые я приехал в Коктебель, как тогда называли наше Планёрское, в 1927 году. Я в те годы был самым молодым сотрудником Спецотдела ОГПУ. А попал я туда потому, что однажды на перекуре разложил колоду карт по четырём мастям, не открывая рубашки. Умел я всегда некоторые штуки. Об этом на следующий же день стало известно Глебу Ивановичу Бокию, ведь он это всё просто обожал. Думаю, тебе не нужно рассказывать, кто это. Страшный он был человек, хотя и очень милый в общении. Понравился я ему, и он меня к себе приблизил. Вот приехали мы тогда в Коктебель на разговор с поэтом и художником Волошиным. Сам понимаешь, ехали в спецвагоне, выпивали два дня... Бокий мне тогда сказал, что очень хотел бы эту контру к стенке поставить, но от него нужно узнать кое-что очень важное про странные вещи, которые происходят на Карадаге, поэтому нужно всё делать ласково. Он очень любил это слово – «ласково». Принял нас Волошин хорошо, требовал, чтоб мы его просто Максом называли, но я не мог. Обращался к нему этим корявым именем «Максимилиан» и на вы. Но милый он был мужик. Не злой. Жалко его. Но совершенно бесхребетный: в Гражданскую прятал у себя одинаково и наших, и белых. Вот жена у него была сильная, и нас, чекистов, не любила. Впрочем, было за что. Но это уже потом было. Хотя и доказать ничего нельзя. Умерла она только пару лет назад, и мы с ней все эти годы делали вид, что незнакомы... Что-то я разнежился тут воспоминаниями, не в них дело. А в том, что, послушав Макса с его рассказами о Карадагском Змее, Глеб Иванович тогда как завёлся! Мы с ним на следующий же день поехали в Курортное, тогда оно просто Карадаг называлось. Пришли на биостанцию, а он с собой ещё двух чекистов взял. Ну и прямо с порога взял в оборот тамошнего директора Хруцкого. Я первый раз увидел, чтобы человек обмочился прямо в брюки. В общем, приказал он ему, чтобы на его биостанции наш спецотдел работал. Тот, конечно, возражать не стал. А вечером мы уже обратно в Москву ехали, и Глеб Иванович мне сказал, что это я буду смотреть за всеми, кто там работает. Я удивился, у меня же никакого образования не было, а он сказал, что учёных он найдёт каких угодно, а я нужен, чтобы измена не проникла и чтобы секретность соблюдали. В общем, повысили меня тогда до капитана и командировали на биостанцию в должности вроде бы как начальника режима, но директор, как только меня видел, так пугался, что я думал, опять обмочится. А через два года, когда всё, что нужно Бокию, мы там наладили, Хруцкий умер. Не сам, я думаю. Как и Максимилиан через пару лет. Но Бокий меня от всего этого почему-то берёт, я как бы и не знал ничего. А вот учёные приехали особенные! Суть в том, что они дельфинам какие-то уколы делали, и у них дельфинята уродами рождались! Я уже потом, когда науки поднабрался, понял, что это все генетикой называлось, хоть и слова такого мы тогда не знали. Её тогда ещё не запретили. В общем, ты мне можешь верить, можешь не верить, но бокиев профессор, его Кива Корчмарь звали, у нас там плезиозавра вывел. Я это слово прочёл в той книжке, которую тебе одноклассник Юрка на четырнадцать лет подарил, помнишь? Я её тебе даже открыть не дал, а сразу порвал и в печку бросил. Тогда-то мы с тобой впервые и поссорились по-настоящему. Прости меня, но я просто испугался, Олежа! Книга ещё в целлофане была, но ты знаешь, я же вижу иногда... и на меня с одной страницы там буквально бросился тот змей, которого в начале тридцать седьмого года наш Кива мне в бассейне показал! Хвастался. Туша как у дельфина простого, а зубья, когти, как у крокодила, страшные... Он тогда на меня очень особенно посмотрел, этот зверь. Когда ты в училище уехал, я книжку такую же достал и аж наизусть выучил. «Ящеры древних морей» называлась. И понял я тогда, что этот Кива, который постоянно из Крыма в Москву ездил и обратно, у нас живое секретное оружие выводил, морских чудовищ! Я тогда рапорт Бокию написал, чтоб меня перевели куда угодно, только бы их больше

не видеть, но он его и прочесть не успел. Арестовали Глеба Ивановича, а потом и расстреляли скоренько нашего ласкового. Меня почему-то не тронули, только показания взяли, ну я им и рассказал правду, что не знал ничего, только за режимом следил, а про зверя того я и сам уже думал, что мне привиделось спяну! Корчмарь тогда себя сам порешил, а всю его группу потом тоже расстреляли. Работы прекратили, исследования закрыли, меня в систему ГУЛАГ перевели. Только я запомнил, что незадолго до закрытия к нам Бокий вместе с каким-то немцем приезжал, профессором. Я тогда им тоже карты по мастям разложил, а немец мне за это портсигар подарил. Я его после войны на серьги для твоей мамы обменял. Я ж не всю войну в Караганде просидел, ты же знаешь, сын! В 43-м мой рапорт удовлетворили, и я уже майором СМЕРШа в Польшу поехал. Работы там много было, и уж поверь, враги были настоящие. Да и ранили меня по-настоящему! А в Коктебель меня тогда приказом товарища Серова вернули, с которым мне тоже послужить довелось! Я ж не сам просился татар депортировать, это он мне доверил этой спецоперацией тут руководить. А уж что дом Шамиля Аметова себе взял, так если б не мне, то другому бы отдали! После этого и списали меня по здоровью, зрение совсем испортилось. А скоро я и на Любоньке, светлой моей радости, женился, да и ты через пять годочков родился... Прости меня, Олежа, ещё раз, за то, как я жил, но знай, что про Змея Карадагского – это правда. Я же там ещё на лодке ходил уже после победы, смотрел... И будто видел. Правда, видел! Как в книжке! Не всё, конечно, но знаю, что в подводных пещерах там немцы работу-то продолжили. И вывели этого крокодила страшного. Но чую, скоро помирать мне, так что хоть и знаю, что стыдно тебе за меня было, но так уж моя жизнь сложилась, ещё раз прости, Олежа, и змея берегись. Ты от нас тогда далеко уехал, но он ведь тогда через меня и на тебя посмотрел.

Твой папа (зачёркнуто) Твой отец, Сергей Князев. Планёрское, 25 июля 1980 года»

Олег дочитал письмо.

Без выражения, ровным глухим голосом, но Ирина чувствовала всё, что в нем происходило с каждой строчкой.

Уже на первых строках письма Ирина попыталась остановить Олега, понимая всю интимность ситуации, но он как-то по-лошадиному мотнул головой и продолжил читать, хотя каждая следующая строчка давалась ему всё с большим трудом.

Закончив чтение, он замолчал, аккуратно сложил письмо и вложил его в конверт, глядя в одну точку перед собой.

На конверте, который он отложил в сторону, крупными буквами было написано: «Моему сыну Олегу Князеву, когда он вернётся». Лежащие под ним медали, удостоверения и какие-то печатные страницы они даже не успели рассмотреть.

Возникла тяжёлая пауза. Ирина не знала, что делать – заговорить о чем-то постороннем или тихо уйти.

Она тронула его за плечо, но никакой реакции не последовало. Тогда она встала, подошла к нему сзади, взяла за голову, закрыла ладонями глаза и прижала к себе.

Через минуту он задрожал, вырвался, вскочил и убежал в дом, откуда сразу же послышалось что-то, похожее на звериное рычание.

Ирина захотела уйти, но поняла, что оставлять Олега в этом состоянии... неправильно. Тем более что, если бы не её инициатива, он это письмо, может быть, никогда и не прочёл бы.

Хотя, наверное, прочёл бы, но гораздо позже, тогда, когда уже сам стал бы отцом и познал бы первые трудности общения с собственным подрастающим сыном.

– Да, уж, Ириша, везёт тебе как утопленнице: сходила наконец в гости к мужику... – сказала она себе под нос.

Единственное облако над Карадагом приняло какую-то странную зловещую форму.

«Змей» – возникло слово у Ирины в голове, и тут же вспомнились городские слухи, на которые удивительным образом наложились строки только что прочитанного вслух письма.

Через десять минут Олег вышел на улицу. Лицо его было уже почти нормальным, но в руке была ополовиненная бутылка «Московской». Ира снова встала:

– Олег... вы меня простите, наверное, мне сейчас нужно уйти?

– Нет. Не нужно. Впрочем, если хочешь, конечно, уходи. И это ты меня прости, я не должен был так раскиснуть при... гражданских.

Ирина почему-то спокойно приняла этот переход «на ты»:

– Ты хотел сказать «посторонних»?

– Хотел. Но... судя по всему, ты мне уже не посторонняя. Вышло так, что никто на этом свете обо мне не знает так много, как ты. Не пойму, как же я так...

– Олег... мы же сейчас как случайные попутчики в купе поезда! Знакомы не более двух часов, а что-то подтолкнуло вас так... раскрыться. Но не волнуйтесь, мы скоро расстанемся, и я об истории вашей семьи даже думать не буду...

– Будешь. Это же всё – про Волошина. И про Змея этого чёртова, и про жуткую историю страны, в которой мы все выросли... Прости ещё раз, я сейчас уже соберусь.

Тут в Ирине включилась профессия учительницы, которая, так же незаметно перейдя на «ты», включила свои знания:

– А, знаешь, не нужно. Прости, но мы, педагоги, обычно неплохие психологи. Ты всю жизнь собран, как... автомат на взводе. Всегда делаешь то, что положено, то, что от тебя ждут. Причём делаешь на пятёрку, а чего тебе это стоит, никто и не догадывается. Вот, вышел... в отставку, но опять себя не отпустил, все время живёшь так, как будто всем вокруг должен! Сегодня тебя наконец прорвало, как старый фурункул, так дай выйти наружу всему, что в тебе за твою жизнь накопилось! Не останавливайся посередине! Напейся вусмерть, поплачь даже, выдохни! Если этого не сделаешь, то в любой момент опять сорваться можешь. И не бойся меня, представь, что меня здесь нет. Но я останусь. Тебя утром нужно будет завтраком накормить, а мне все твои истории дослушать, я ж баба любопытная. Вот, у тебя тут в саду домик стоит, я там и останусь. Только... не приставай ко мне сегодня, пьяный. Я... сопротивляться-то не стану, только уж очень противно нам с тобой потом будет.

– Спасибо, Ира. И – здесь все твоё, а я... я там, в доме побуду. И музыка будет громко. Прости ещё раз.

Он стал подниматься на крыльцо, потом обернулся и тихо сказал:

– В прошлом году здесь был старик. Уже совсем дряхлый. Он сидел на камне напротив моего дома и молчал. Я поздоровался, он мне тоже кивнул. На следующее утро смотрю – он опять здесь. Спрашиваю, может быть, что-то нужно – он молчит, только головой крутит. И вечером опять! А на третье утро я проснулся от шума, выхожу – тут люди и милиция, а он рядом с камнем лежит, уже мёртвый. Я уже потом понял, что это бывший хозяин дома, Шамиль Аметов.

Закончив рассказ, Олег, покачиваясь, развернулся и пошёл обратно в дом.

За десять минут его заметно развезло, полбутылки водки в нем устроились уже вполне уютно. Впрочем, было ясно, что это состояние для него отнюдь не является нормой. Так пьянеют не алкоголики, а люди, которые совсем не пьют. Ирина, к сожалению, хорошо знала разницу.

Внимательно рассмотрев починенную Олегом сумку, она удивлённо отметила, что со стороны порез совсем не виден. Внутренняя заплатка на ощупь, конечно, чувствовалась, но это было заметно только ей.

Первая программа ЦТ. Июль 1984 г.

«В МИРЕ ЖИВОТНЫХ»

Ведущий — профессор Георгий Згуриди

(Заставка — оркестровая тема «Alouette» Поля Мориа. Кадры дельфинов, волн и берегов Карадага в лёгком, немного ностальгическом ритме.)

— Добрый день, дорогие друзья. Сегодня мы снова возвращаемся к магии Чёрного моря — и, в особенности, к загадочному побережью Карадага. Здесь, в прозрачных морских глубинах, живёт удивительная, хрупкая, но удивительно стойкая биосфера.

(Кадры: морские водоросли, крабы, камбала.)

— Каждое утро воды наполняются жизнью — от мельчайших микроорганизмов до медленно плавающих скатов. В этих водах таится целый мир, о котором мы уже знаем немало, но и многое остаётся неизвестным.

(Переход, плавная камера скользит под воду, покачиваются водоросли.)

— И вот — заслушайтесь. В отчётах наших исследователей, изучающих бухты Карадага, есть строки о явлениях, которые до сих пор не объяснены. Периодически — на границе холодных и тёплых слоёв — фиксируются подвижные объекты, не похожие ни на одно известное морское существо. А ночами — странное мерцание, биолюминесценция, оставляющая следы, которые не совпадают ни с чем из каталогов морской фауны.

(Пауза — кадр густой тёмной воды, лёгкое свечение в глубине.)

— В одном из протоколов есть фраза: «В бухтах Карадага наблюдаются организмы, пока неизвестные науке».

(Згуриди смотрит прямо в камеру, голос — мягкий, но серьёзный.)

— Я не призываю вас верить в подобные сенсации. Наука требует доказательств: повторных наблюдений, отбора проб, анализа. Но именно такие случаи напоминают нам: мы ещё не разгадали многих тайн этого моря. И каждый новый день может подарить открытие.

(Кадры: закат над морем, лодка на горизонте, лёгкий ветер.)

— Берегите природу. Берегите наше море. До новых встреч.

(Заставка — «Alouette», титры.)

Планёрское (Коктебель). 6 июля 1984 года

Темнело, как всегда на юге, очень быстро.

Солнце уже спряталось за Карадаг, но должно было ещё раз ненадолго появиться между горой Святая, самой высокой точкой Карадага, и горой Сюрюк-Кая. Этот летний эффект «двойного заката» когда-то описал сам Максимилиан Волошин, а Ирина всякий раз его с удовольствием наблюдала.

«Какая же это страшная штука – многолетнее одиночество, особенно когда оно умножено сознанием семейной вины и... физической неполноценности по сравнению с самим собой несколько лет назад...»

Письмо старого вертухая Сергея Князева произвело впечатление не только на его сына, но и на неё. Впрочем, для Ирины там были важны совсем другие «опорные точки». Тема Змея все ещё казалась ей совершенной фантастикой, но и она мимо не прошла.

Ирина разложила на столе свои прошлогодние заметки, пытаясь в уже знакомых строчках найти намёки на новые знания её любимого поэта и художника.

Из дома Олега слышался звук магнитофона. Владимир Высоцкий уже в третий раз пел:

*Уходит обратно на нас поредевшая рота!
Что было – не важно, а важен лишь взорванный форт.
Мне хочется верить, что грубая наша работа
Вам дарит возможность беспошлинно видеть восход.*

Было понятно, что к этой песне у Олега особое отношение, что именно там, в каком-то далёком взорванном порту и случилось с ним то, что привело к инвалидности и пенсии.

Коктебель. Март 1920 года

Уж простите, Андрей Аркадьевич, разносолов в доме нет, но и голодать не будете. Шамиль с утра барабулек и ставриду принёс. К вечеру пожарю. А пока обживайте комнату наверху, свежее бельё уже там.

В исполнении Елены Оттовны этот монолог прозвучал не слишком радушно. Впрочем, дело было не в отношении к гостям, а в общей ситуации, сложившейся в Коктебеле из-за регулярной смены власти: вернувшиеся красные, как, собственно, перед ними белые, усердно карали всех, у кого сложились нормальные отношения с предыдущим режимом.

Волошин, правда, каким-то чудом до сих пор был «неприкасаемым»: среди врангелевцев, вершивших правосудие в Коктебеле, было немало его давних поклонников, а революционной черни вроде бы сам Луначарский дал указание «поэта не трогать». Это положение Елену Оттовну, конечно же, радовало, но окончательно не успокаивало: мало ли что случится при следующей перемене.

Её сын же являл собой благодушие и уверенность. Не факт, что это показное спокойствие отвечало его внутреннему состоянию, но семью доктора Арендта он искренне хотел ободрить, ибо его супруга, Елена Николаевна из дворянской фамилии Тютчевых, плакала с самого момента прибытия к ним в дом, а четырнадцатилетняя Ариадна все время затравленно молчала и дрожала, понимая, что грозит юной девушке, если красное быдло совсем сорвётся с цепи.

Сам же Андрей Аркадьевич держался, но явно из последних сил. Беда была в том, что во время последних боёв он, будучи фактически «семейным врачом» всего Коктебеля, оказал хирургическую помощь раненому офицеру, спасая его от смерти, и это в посёлке знали все.

– Я думаю, что прогуляться вдоль моря мы пойдём чуть позже, нес па, Андрей Аркадьевич?

– Как вам будет угодно, Макс. Вы хозяин, приказывайте.

– Да ничего я не буду приказывать, но Адочке явно не помешает свежий морской воздух. Правда, попозже.

– Да-да, конечно, конечно.

Немного помолчав, Арендт попытался начать светскую беседу, коснувшись темы, всегда интересовавшей хозяина:

– А что же, Макс, как там ваш Змей? Не появлялся ещё раз?

Волошин задумался, а потом горько усмехнулся:

– Появлялся, Андрей Аркадьевич! Как появился ещё в семнадцатом, так и не прячется с тех пор!

– Кес ке се, Макс? Я вас не понимаю.

– Видите ли, Андрей Аркадьевич... Мама, поставьте самовар, пожалуйста!.. Видите ли, я тут недавно понял, что существо или, если вам угодно – видение, которое преследовало меня с тринадцатого года, было неким предвестником, которое нам посылал Карадаг, для того чтобы предупредить о кошмарных изменениях и бедах, ожидавших Россию-матушку и наш Коктебель в частности. И по сравнению с тем, что пришло к нам сейчас, он был просто невинным и совсем не таким страшным зверьком!

– Ну и богатое же у вас воображение, Макс! Одно слово – поэт и художник!

– А что вы думали? Разве может такой катаклизм прийти без предупреждения свыше? Земля же наша и не такое видела за миллионы лет...

Внезапно их беседу прервал громкий стук в дверь.

Елена Николаевна громко всхлипнула, Ада ещё больше побледнела.

Волошин с непринуждённым выражением лица встал из-за стола и поправил белый хитон:

– Простите, Андрей Аркадьевич, я отвлекусь. Кто там?

Стук повторился ещё громче, снаружи послышался грубый голос:

– А ну открывай! Распоряжение ревкома!

Волошин спокойно подошёл к двери и отпер её. На пороге стояли два красноармейца, один с винтовкой, другой с бумажкой.

– Гражданин Арендт здесь проживает? Который бывший врач?

Арендт оскорблённо вскочил:

– Позвольте! Я не бывший, а самый настоящий врач!

При этом возгласе он совершенно произвольным движением поправил очки и зачем-то надел широкополую шляпу, которую знал весь Коктебель.

Тот, кто был с винтовкой, глумливо хмыкнул:

– Ну и давай, собирайся, настоящий!

Волошин сделал пару шагов и загородил собой Арендта:

– Здесь живут мои гости, и никто никуда не пойдёт.

Красноармейцы переглянулись. В возникшей паузе тот, который был с винтовкой, отвлёкся от доктора и стал облизывать взглядом Елену Николаевну, а потом перевёл глаза на Аду. Она поёжилась. В это время второй сделал ещё более серьёзное лицо и громко произнёс:

– Но у нас приказ! Его нужно доставить в штаб.

Волошин скрестил на груди свои могучие ручищи и спокойно ответил:

– Это невозможно. Пока они в моём доме, не будет никаких арестов. Я отвечаю за них. Хотите – берите меня, но ни один человек под моей крышей не выйдет отсюда против воли.

Снова повисла напряжённая тишина. Елена Николаевна, не в силах себя сдержатъ, при-
тянула к себе Ариадну и заплакала в голос.

Красноармейцы снова переглянулись. Тот, который с винтовкой, привычным жестом поднял её и передёрнул затвор, но второй, с бумажкой, положил ему руку на плечо:

– Да чёрт с ним, Ероха! Мне сказали, что этот Максимилиан тоже контра, но его трогать не велено. С самого верху! – и он, вновь повернувшись к Волошину, с ненавистью добавил: – А вы, гражданин поэт, скоро доиграетесь, я вам ручаюсь. Долго прикрывать врагов мы вам тут не позволим!

Когда новоявленные алыгвазиы ушли, Волошин запер дверь и повернулся к гостям. Только сейчас стали заметны капли пота на его лице.

– Ох, Максенька... – только промолвила из кухонного проёма Пра.

Волошин же улыбнулся, явно подбадривая уже сам себя:

– Всё хорошо. Сегодня мы опять победили Змея... Но завтра он снова может явиться. Давайте будем готовы и решим, как себя нужно вести.

Взгляд Ариадны, оторвавшейся от матери, больше всего напоминал то, как сказочные принцессы смотрят на рыцаря, спасшего их от дракона.

Андрей Аркадьевич снял шляпу и, преодолевая ком в горле, выдавил:

– Макс... А ведь вы спасаете нас, возможно, ценой собственной жизни...

Волошин неожиданно засмеялся:

– Да что тут жизнь одного поэта, если страна гибнет! Ну, что, пойдём, совершим промемнад вдоль полосы прибоя? Там, кстати, заметно посвежело!

Внезапно все поняли, что до сих пор просто не слышали мощные удары волн и ужасающий рёв ветра над Карадагом.

Планёрское (Коктебель). 7 июля 1984 года

Ирина проснулась поздно и с удивлением увидела у себя на столе, среди бумаг, вазу с цветами. Как-то сразу стало понятно, что ни в какой «реанимации» Олег не нуждается.

Она быстро привела себя в порядок, вышла из домика и увидела Олега, крутящего «солнце» на турнике. Рядом была штанга с довольно серьёзными блинами и боксёрская груша. Странно, что вчера этот миниспорткомплекс на глаза ей не попался.

Олег спрыгнул с турника.

– Доброе утро. Ещё раз прошу прощения за вчерашнее, но если вы никуда так и не ушли, то никакого сожаления не испытываю. Честно говоря, я не имею представления, почему меня вчера так пробило на откровения, но вы совершенно правы: очевидно, я «переносил» в себе странные чувства недолюбленности в семье и личной обиды на отца, помноженные на... общее отношение к людям его профессии. Я и служить-то пошёл, чтобы хотя бы внутри самого себя вернуть уважение к слову «офицер». Не знаю, в курсе ли гражданские, но морская разведка, а я принадлежу именно к этой касте, мягко говоря, в сложных отношениях с теми представителями рода человеческого, кто ведёт свою родословную от ГПУ. Так или иначе, но больше обязуюсь не грузить вас своими переживаниями, целиком перейдя к литературной теме. Ах, да: в доме есть вполне современная ванная, чистое полотенце лежит на столе веранды. Завтрак будет континентальный: домашний кисляк, который в Европе называют «йогурт», хороший кофе, тосты, то есть поджаренный хлеб и варёные яйца. Вы предпочитаете «всмятку» или «в мешочек»?

На середине этого монолога Ирину поборол улыбка:

– Вообще-то вчера мы уже перешли на «ты».

– Я попробую.

Ирина принимала душ, когда с улицы раздался жуткий женский крик:

– Не-ет! Непра-авда! Они на Чёртов палец полезли и там ночевать остались в палатке-е!

Наскоро одевшись, Ирина вышла из дома и увидела, что Олег уже возвращается и заходит обратно в калитку.

– Что там случилось?

Олег пожал плечами:

– У соседки на прошлой неделе две пары поселились. Молодые, лет по двадцать пять. Парни позавчера пошли на Карадаг... дикарями, без экскурсовода. А вчера вечером их на берег вынесло... У меня тут в милиции старый приятель, это он пришёл к их жёнам с этим... известием.

– Ох... ну, девочкам же помочь сейчас надо!

– Не сейчас. Их на опознание увезли. И вообще, Ира, у них, у соседей, всё как-то не так. В прошлом году тут большая компания туристов была. Они шли вдоль всего побережья от Керчи до Евпатории. Ну, остановились в Коктебеле на пару дней, сняли у соседей комнаты, один тут выпил лишку, да и благополучно утонул. Так они родителям телеграмму отбили и дальше пошли. Даже не дождались, кто приедет за их другом. Так что, собирай... ся, пойдём в Дом Волошина.

– Да, конечно, только мне нужно в мой пансионат зайти по дороге.

– Понимаю, подожду на лавочке.

По дороге Олег разговора не начинал, Ирина тоже шла молча, понимая, что в голове сидит какая-то заноза. Настроение с утра и так было не самым весёлым, но что-то из произошедшего утром явно не укладывалось в классическую схему несчастного случая на курорте. Только переодеваясь в своей комнате и отмахиваясь от дурацких вопросов соседки, Ирина поняла, в чём дело.

– Олег, а каким образом в милиции так быстро узнали, кому нужно сообщить, куда идти? – спросила она у Олега, выйдя на улицу.

Олег опять криво усмехнулся:

– Вам бы, сударыня, не педагогом, а следователем работать! Меня это тоже зацепило, но Мишка сказал, что их тела одетыми вынесло. У одного был паспорт в кармане джинсов. А дальше уже просто: Михайловну, соседку мою, недавно оштрафовали, так что она теперь всех жильцов в паспортном столе регистрирует. Вот и пришли к ней...

– А... почему парни одетыми купались?

– Может, выпили лишнего, от жён-то оторвавшись. А может, и не купались вовсе, а упали в воду.

– Сразу вдвоём?

– Ира, я понимаю, что слово «змея» сейчас висит на языке у нас обоих, но давай все-таки из мифов и легенд вернёмся в реальность. Это – не Змея. Ну а шайки маньяков, которая топит молодых парней, у нас тут нет...

Проходя мимо дежурного в воротах Литфонда, Ирина привычно кивнула, но когда Олег с улыбкой пожал ему руку, тот его остановил:

– Олежек, погоди минутку, вопрос есть...

Пока они с вахтёром перекидывались парой фраз, Ирина решила сама с собой поиграть в игру – кого из увиденных литераторов она знает в лицо.

Первыми мимо прошла многочисленная и очень грузная семья беллетристов братьев Вайнеров с жёнами и детьми.

Буквально через несколько метров шёл фантаст Евгений Гуляковский с женой. Их сопровождала молодая пара с маленьким сыном. Мужской элемент пары оживлённо махал руками и спорил с фантастом, который что-то ему благожелательно вешал. Парень чем-то привлёк внимание Ирины. Через пару секунд она поняла, чем именно: так когда-то и выглядели типичные представители её любимого «серебряного века»: длинноволосые, нелепые и совершенно упёртые в своём мнении. Проходя мимо, парень посмотрел на неё, на что она доброжелательно улыбнулась.

С некоторой паузой за ними прошествовал сам поэт Евтушенко со своей английской женой и двумя детьми. Младший ехал в коляске и производил не очень здоровое впечатление. Впрочем, поэт казался этим не слишком озабочен и шёл с приклеенной к лицу широкой улыбкой.

Были, конечно, и ещё лица, но последним, кого Ирина узнала, был направляющийся к пляжу ветеран идеологического фронта, поэт Лев Ошанин, смешно подпрыгивающий при ходьбе. Прошлым летом этот патриарх агит-поэзии сделал попытку за ней приударить, а вот сегодня даже не узнал. Хотя, скорее всего, просто не увидел – с глазами у него было уже совсем плохо.

– Ира, извини, разговорился с приятелем. Из-за утонувших парней тут опять разговоры про Змея пошли... Ну да ладно, это все глупости.

Избранные заметки из советских газет. 1926 г.

«ФЕОДОСИЙСКИЙ РАБОЧИЙ»

№ 112, Июнь 1926 г.

Необычное явление в бухте Карадага

От работников Карадагской биостанции поступило сообщение о необычном явлении, замеченном в ночь на

17 июня. Дежурный лаборант сообщил, что у берега в Мёртвой бухте «вода ходила кругами», после чего на поверхности появилось «тёмное длинное тело», ушедшее в глубину.

Специалисты биостанции после осмотра указали, что происшествие, вероятно, связано с движением рыбьих косяков либо выходом газов со дна. Оснований говорить о каких-либо неизвестных существах научные сотрудники не находят.

Рыбаки артели, работавшие вблизи, утверждают, что подобное наблюдали и ранее, но точных объяснений дать не могут.

Редакция следит за развитием дела.

Москва. Август 1926 года

Лето в Москве выдалось душным, сухим и нервным.

Михаил Булгаков проснулся рано – не от желания ударно поработать, а от глухой тревоги. Что-то дрожало в воздухе, что-то неуловимое и неясное.

Он пришёл в редакцию «Гудка» раньше всех и весь день пытался настроить себя на фельетонный стиль.

Работа не шла.

За столами рядом сидели «одесситы» – Илюша Ильф и Эдик Багрицкий. Стол Петрова необычно пустовал.

Тут дверь со скрипом отворилась, и в комнату вошёл житель другого этажа редакции Валентин Катаев с трубкой в зубах.

Не глядя ни на кого, набирающий популярность прозаик медленно подошёл к редакционному зеркалу и, внимательно оценивая своё отражение, как бы невзначай обратился ко всем присутствующим:

– Господа литераторы! А не испить ли нам сегодня пива? Я тут получил гонорар и по одной кружке поставлю каждому! Ну а дальше уж сами! Кстати, где мой братец?

Ильф, не поднимая головы от долгожданного в редакции фельетона о качестве мыла, ответил:

– Женю отправили в местную командировку. Милиционеры на Покровке задержали самого старого карманника за всю историю. Ему 79 лет. Рука, понимаешь ли, дрогнула.

Булгаков же посмотрел на Катаева заинтересованно:

– Здоровая мысль, Валюн! Только сегодня – точно не в «Баварию». Там с утра цирковые зависли.

– Тогда в «Прагу»? Да, Синеглазенький? Там – настоящее, мюнхенское! Или ты боишься, что тебя опять с каким-нибудь профессором перепутают? Ну, Илья, Эдик, кто ещё пойдёт?

– Ты свой гонорар уже получил, а вот мы только зарабатываем. Лично я – не сегодня.

– Я тоже – пас.

Булгаков поправил пенсне:

– Я пойду. Но дай дописать, мне минут десять осталось.

– Ну... я тогда у вас пока присяду здесь.

Ильф тяжело вздохнул. Он уже успел привыкнуть к тому, что молча больше минуты сидеть «Старик Саббакин» в принципе не умеет.

А он и не сидел. Ещё раз затянувшись трубкой, он полез во внутренний карман недавно приобретённого английского пиджака и достал конверт с письмом:

– Кстати, мне тут Макс Волошин письмо прислал. Я же у него был в прошлом году...

– Ну ладно, читай уж скорее! – обречённо выдохнул Багрицкий.

Катаев развернул жёлтый листок:

«Дорогой Валя! Пишу тебе из тишины, что по вечерам ложится на предгорье Карадага. Здесь август – не календарь, а дыхание. Воздух тяжёлый, как будто над горами нависло что-то древнее, забытое. Не удивляйся, что я пишу тебе, ведь это именно ты однажды сказал, что “Карадаг – как кусок неоформленного рока”. С тех пор я не могу выкинуть эту фразу из головы. Она точна. Потому я и пишу тебе. Ты – один из немногих, кто почувствовал не просто ландшафт, а зародыш смысла...»

С лестницы послышался голос секретарши Фиры:

– Катаев там у вас? К нему какой-то оборванец из Одессы приехал! Говорит – Кирсанов!

Редакция оживилась:

– Так это ж наш Сёмка! Пусть поднимается!

Не прошло и нескольких секунд, как улыбчивый парнишка с фанерным чемоданом поднялся к ним в комнату. Все одесситы принялись хлопать мальчика по плечам и обнимать. Только Булгаков был с ним ещё формально не знаком.

Катаев был явно недоволен тем, что его прервали:

– Сёма, мы тут немного заняты, не отвлекай. Я читаю коллегам письмо от Волошина. Ты хоть знаешь, кто это такой?

Кирсанов громко бросил чемодан на пол, нарочито расхохотался и жутко картавя начал декламировать:

*Россия – имя светлое, как свет,
Как синь небес, как блеск над обнажённым полем,
Как отблеск пламени на вёрстах перед боем,
И в нём – и кровь, и вера, и обет...*

Катаев его прервал:

– Ну, верим – знаешь. Но сейчас вот помолчи, тебе это письмо тоже интересно будет, – и продолжил чтение:

«С прошлой недели Карадаг снова ожил. И это не фигура речи, Валя. Не метафора для поэтов. Я снова слышу, как он дышит. Тихо. Глухо. Настойчиво. Сначала – едва различимый стук по ночам. Потом – тени, которые ложатся вопреки свету. Потом – рассказ рыбака: из бухты кто-то выполз, длинный, как толстый канат, и скользнул в глубину. А вчера был след. Настоящий. На мокром песке. Длинный, волнообразный. Красноармейцы прочёсывали берег. И смеялись. Но один из них потом пил, а я заметил, как у него дрожат руки. Местная газетка напечатала заметку. Кричащий заголовок. Всё, как ты понимаешь. Но факт есть. Я вырезал, положу внутрь. Я вижу весь Карадаг Киммерийским змеем. Он – не символ. Он – память. Он сторожит ритм, и когда этот ритм нарушается, он подаёт голос. Я чувствую: теперь – не просто предвестие, а пробуждение. Дыхание – уже не под ногами. Оно уже у нас в крови. А я вот пишу тебе, потому что ты, Валя, как бы ты ни хорохорился, тоже это почувствовал. Ты смеялся, когда впервые приехал сюда, но ведь потом всё понял, Валя! Ты услышал, значит, и это письмо не зря. Береги себя. Твой Макс».

Некоторое время после зачтения письма от всеми уважаемого мэтра гудковцы молчали, передавая из рук в руки приложенную заметку из «Феодосийского рабочего»:

Огромный змей у берегов Карадага

ОГРОМНЫЙ ЗМЕЙ У БЕРЕГОВ КАРАДАГА

Необычное событие на южном берегу Крымского полуострова

Вчера, двадцать третьего числа, в районе скалистого массива Карадаг, недалеко от скалы Иван-Разбойник, был замечен необычайно крупный «гад», напоминающий змею неведомой величины. Несколько жителей посёлка Коктебель и близлежащих сёл, работавшие у моря, первыми сообщили о появлении тёмного существа, длина которого, по приблизительным наблюдениям, превышала двадцать метров.

Свидетели утверждают, что великое тело необъяснимого зверя двигалось по воде с поразительной скоростью, издавая при этом низкие гортанные звуки, доселе не слыханные ни рыбаками, ни моряками. Люди охарактеризовали его как нечто среднее между змеем и огромной водяной тварью с блестящей чешуёй и плотно сжатым телом, способным легко пересекать приливные волны.

По полученным сведениям, непосредственный наблюдатель, старший механик парохода «Крым», товарищ П., уверяет, что видел существо на расстоянии не более пятисот шагов и может подтвердить его значительные размеры и необычное строение. Другой очевидец, крестьянин из села Щебетовка, описывает, что зверь поднял голову выше уровня воды и взглянул на приближающийся

берег, после чего, как только почувствовал человеческое присутствие, погрузился в глубины моря с изумительной стремительностью.

В связи с возросшим числом сообщений о подобных явлениях, для выяснения обстоятельств и предотвращения возможной опасности со стороны загадочного существа местные власти приняли решение отправить к Карадагу отряд красноармейцев, вооружённых ружьями и сетями, с тем чтобы произвести детальный осмотр побережья и, если потребуется, пресечь любые угрозы.

Редакция просит очевидцев сохранять спокойствие и направлять свои показания в редакцию «Феодосийского рабочего» или в ближайший исполком. Все сообщения будут переданы компетентным лицам для скорейшего и тщательного расследования.

Тут Багрицкий внимательно посмотрел на Булгакова:

– Мишка, ты тут все жаловался, что нет сюжетов для хорошего мистического романа. Вот тебе и сюжет: у людей под боком – огромная морская змея. В прямом смысле.

– Тогда уж не змея, а змей! – с улыбкой вторил Ильф.

– И вообще, перенеси всю эту историю сюда, в Москву! Так смешнее будет.

– Да, и пусть этот змей из яйца вылупится, как курица!

Катаев с удовольствием включился в игру:

– По Волошину, этому змею нужно бы появиться из «куска неоформленного рока»!

И тут вскочил до сих пор молчавший Сёма Кирсанов:

– Товарищи! – возбуждённо закартавил он. – А зачем нужно делать, чтобы смешно? Можно же и – страшно! Так даже интереснее!

Катаев расхохотался:

– Сёмчик, ты не понял, куда пришёл? Это же отдел фельетонов, у них у всех тут профессиональная деформация, причём уже давно!

Булгаков поднял руку, прекращая обсуждение:

– Всё, господа. Благодарю всех за творческую помощь, но я же и сам могу справиться! – Затем он внимательно посмотрел на молодого Кирсанова и задумчиво добавил: – А вы, юноша, правы. Сегодня нужно, чтобы и смешно, и страшно. Но самые страшные вещи приходят не из фантазии. Они всегда – из прошлого, просто меняют кожу или... обёртку.

Катаева аж передёрнуло:

– Мистик ты, Ваше Превосходительство! Прямо как нэпман дремучий! Ну, пошли в «Прагу» пить пиво?

Булгаков покачал головой:

– Нет, Валюн, спасибо, расхотелось. Потом как-нибудь, – и снова сел за стол, достал чистый листок бумаги и вывел на нем своим каллиграфическим почерком:

«Роковые яйца» – сатирико-фантастическая повесть. В центре сюжета – профессор Персигов, который случайно открывает загадочный «красный луч», ускоряющий рост и размножение живых организмов. В условиях бюрократической неразберихи и авантюрных решений властей открытие используют для восстановления сельского хозяйства, но из-за ошибки вместо куриных яиц в эксперимент попадают яйца пресмыкающихся. В результате страна сталкивается с нашествием гигантских змей и чудовищ, угрожающих цивилизации.

Катаев собрался было плюнуть на пол, но сообразил, что это не увяжется с его новым образом, и повернулся к неожиданному гостю:

– Сёма, тогда пойдём вдвоём. Я тебя, кстати, и накормлю, наверняка ты голодный с поезда.

Кирсанов было гордо помотал головой, но Катаев крепко взял его за плечо:

– Пошли, пошли. Тебе, кстати, где переночевать-то есть?

Планёрское (Коктебель). 7 июля 1984 года

Хранительница Дома Поэта Юлия Наркевич, она же – директор музея, поприветствовала их, удивлённо приподняв брови:

– Здравствуйте, молодые люди! Вот уж не ожидала увидеть вас, Ира, с кавалером. Хотя... море, солнце... понимаю!

Ирина смутилась, не зная, что ответить. Выручил Олег:

– Нет, не думаю, что понимаете, Юлия Станиславовна. Ирина у вас тут работает уже не первый год, а вы, судя по всему, показали ей далеко не все, что важно по её теме!

– О чем вы... простите, молодой человек, не припомню, как вас зовут?

– Меня зовут Олег, но вы этого и не знали. Я здесь бывал до вас, ещё при Марии Степановне.

Дама довольно плохо скрыла свою растерянность, спрятавшись за тем, что достала из пачки «Беломора» папиросу и прикурила её спичкой, а потом сказала себе под нос:

– Вот оно как, значит...

Ирина и Олег молчали, ничего не понимая.

Юлия Станиславовна довольно бессмысленно ходила по комнате, но скоро собралась и продолжила:

– Напрасно вы думаете, что я вас не знаю, молодой человек. Я действительно запомнила ваше имя, но фамилия ваша – Князев. Так?

Олег кивнул. Дама ещё раз затянулась «Бело-мором» и продолжила:

– Я несколько лет работала вместе с Марией Степановной, и она мне рассказывала про мальчика, который втайне от родителей прибегал сюда несколько зим подряд.

Олег удивился:

– И... за что же мне такая честь, что обо мне разговаривают серьёзные люди?

Юлия Станиславовна внимательно посмотрела на них каким-то уже другим взглядом:

– Я вам расскажу. Я вам всё расскажу, только дайте с мыслями собраться. И я действительно не ожидала, что... это будете именно вы, так что, прошу вас, приходите сегодня вечером, после ужина. У наших «звистных писменников» сегодня вечер современной поэзии. Пол-Коктебеля набьётся в летний кинотеатр Литфонда. А мы сможем тут посидеть спокойно.

– Что это сейчас было? – спросила Ирина, когда они с Олегом оказались уже на крыльце.

– Что именно?

– Ну, её фраза о том, что она не ожидала «увидеть именно нас».

– Не знаю. Но вечером надеюсь разобраться. А, кстати, это ведь ты с ней видишься каждый день, так что я возвращаю этот вопрос тебе.

Ира пожалала плечами:

– Совершенно ничего не пойму... Но раз уж дела откладываются, пойдём на пляж?

– В эту толпу?

– А есть варианты?

– Ну... мы, местные, на пляж вообще не ходим. А искупаться... давай-ка дойдём до причала. Думаю, что смогу сделать тебе сюрприз. Купальник с собой?

– На мне. Я же на курорте!

Через полчаса, заглушив мотор взятого у знакомого напрокат катера, Олег со странным чувством умиления наблюдал, как Ирина наслаждается купанием в кристально чистой воде Чёрного моря в отдалении от берега.

– Ох, вот спасибо тебе, Олег! Я и не знала, что вода может быть такой чистой! У берега тоже хорошо, но там совсем не так...

– У берега вода никогда такой не бывает, даже в мёртвый сезон.

– А почему?

– Кил. О нем ещё твой Волошин писал, что шибко целебный. Им здесь теперь любят обмазываться даже совершенно здоровые отдыхающие, что неминуемо создаёт мутную взвесь метров на пятьдесят от пляжа.

Поднявшись по маленькой лесенке из воды на катер, Ирина сладко растянулась на его носу, надела тёмные очки и подставила солнцу свою ещё не сильно успевшую загореть за три дня стройную фигуру.

– Олег, а можно вопрос?

– Конечно. Если не про моё прошлое.

– Нет, не про него. Скажи, каким образом такой... суровый и brutальный мужчина, как ты, чей образ жизни... ну, никак не способствовал увлечению литературой, так хорошо её знает?

Олег помолчал, но ответил совершенно серьёзно:

– Ну, во-первых, литературу я знаю всё-таки плохо. Никого из современных, кроме разве что Василия Аксёнова, я не читал.

– Ух ты! А как же патриотизм воина? Он же «предатель Родины» и совершенно запрещён у нас!

– Не говори глупости, Ира. Мы же не автоматы и не идиоты. Его книги я брал в нашей библиотеке ещё в семидесятые. А к тому же мне было интересно: я его неоднократно здесь видел в разных компаниях, пока мальчишкой бегал в... прости, но у нас тут его называют «ПисДом».

Ирина захохотала:

– Да я знаю, знаю, сама его так называю! Только почему ты мальчишкой бегал сюда, а учиться пошёл совсем другому делу?

– Станный вопрос. Писать, петь, рисовать картины – может быть делом жизни только для избранных. А чтобы они могли это делать, кто-то должен защищать страну. Я это и выбрал. Ну и... про моего отца ты уже знаешь.

– А всё-таки, что тебя потянуло сюда, в этот ПисДом, в детстве?

– Ну... точно я сейчас уже и не вспомню, но... понимаешь, мальчишек всегда привлекает какая-то тайна. И вот, смотрел я на Карадаг, на этот дом... А потом на акварели волошинские, и почувствовал, что именно здесь тайна. Моя тайна, в том смысле, что именно я её должен разгадать. А когда впервые прочёл его стихи, совсем заболел.

Олег повернулся в сторону горного массива Карадаг и продекламировал:

*Здесь боги гибли и рождались вновь,
И вечность в камне высекала лики.
Здесь плоть земли и дух её великий
Слились в одну безмолвную любовь.*

*Здесь всё живёт в предчувствии судьбы,
И камень помнит шаг тысячелетий,
И море – вечный собеседник смерти —
Хранит следы исчезнувшей борьбы.*

*И я люблю в суровости нагой
Твою тоску, твой гнев и вдохновенье,
О, Карадаг – суровый страж виденья
Над колыбелью жизни мировой.*

Ну и что ещё было важно, Мария Степановна... Знаешь, она была фантастической женщиной.

– В чём это выражалось?

– Сейчас объясню. У кого-нибудь из твоих друзей видеомаягнитофон есть?

– Есть, конечно. Только все они смотрят обычно боевики и другую голливудскую продукцию.

– Вот именно! Но смотрят не так, как нужно, глупо они все смотрят! Мне тут недавно, как раз у моего приятеля-милиционера, довелось посмотреть «Калигулу».

– Фу!

Олег снова усмехнулся уголком рта:

– Да-да, понимаю. Но если этот фильм смотреть другими глазами, то это сильнейший памфлет на полностью развращённую абсолютную власть! И вот, самой страшной картиной в этом фильме мне показался эпизод, когда по арене едет огромная машина и косит головы предварительно закопанных в землю людей. Так, для развлечения императора и его близких.

– Как-то далековато ты начал отвечать...

– Да-да, но это нужно, чтоб ты поняла. Наша власть при Сталине... да, в общем, даже до и после, у меня ассоциируется именно с этой машиной: мощной, бездушной и безжалостной. Нормальному человеку в голову не придёт не только бороться, но хотя бы просто посопротивляться! Так вот, Мария Степановна после смерти Волошина каменной стеной встала на пути всех, кто хотел закрыть этот Дом, присвоить его себе или просто опорочить волошинскую память. И победила! Она одна победила эту страшную машину! Как, между прочим, и сам Волошин годами раньше... Она мне показала документы, по которым здесь, в Коктебеле, во время Гражданской войны Волошин, наивный поэт и великий гуманист, спасал белых от красных, а красных от белых. И не только поэтов и писателей. Я лично знаю здесь одну даму, семью которой Волошин спас от гибели в 20-е годы!

Ирина удивлённо молчала. Ей и в голову не могло прийти, что человек с такой биографией, как у Олега, может иметь столь вольнодумные, почти что диссидентские взгляды.

Олег же посмотрел на солнце, стоящее уже в самом зените, и продолжил:

– Я понимаю твоё удивление. Как я... офицер, служивший в особом подразделении, выполнявший секретные задания нашего правительства, могу иметь такие убеждения, так?

Ирина кивнула.

– Ну, во-первых, совсем уж идиотов у нас там нет. Во-вторых, уже в училище к нам относились по-особому и доверяли знакомиться с историческими документами, мало кому известными и сегодня. При этом, конечно, анализировали нашу реакцию, и уверяю тебя: вольные мысли – одно, а выполнение приказа – совершенно другое. В-третьих... всё-таки мы – чисто военная структура, и наши наставники всегда относились к... смежникам из конторы достаточно негативно. Всё-таки разные у нас методы, и даже цели разные. Уже почти семьдесят лет эти ребята реально управляют нашей страной и, на мой взгляд, ведут её к катастрофе. Если им дать продолжать это делать, то они обязательно её погубят. Это связано с тем, что они не способны к созиданию. Это совершенно особое племя, и в их головах произошла профессиональная деформация сознания. Вся их деятельность направлена только на то, чтобы найти внешнего или внутреннего врага системы и объяснить наличием этих врагов все наши проблемы. А нашей стране нужны системные реформы, а не поиск врагов. Я считаю, что ещё немного, и они профукают абсолютно все.

Ну и последнее, и, пожалуй, самое главное: мой отец. Я же видел, как он относится к людям, и как люди относятся к нему... и это было больно. Ладно, красавица. Давай, искупайся ещё разок и – поехали домой. А то сгоришь совсем.

Избранные заметки из советских газет. 1984 г.

«ИЗВЕСТИЯ»

ТОКИО. 9 июля 1984 года (ТАСС).

Выход в свет в Японии книги речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вызвал огромный интерес в этой стране. Как заявил видный японский политический деятель, председатель Парламентской ассоциации японо-советской дружбы, бывший министр иностранных дел И. Сакураути, книга К. У. Черненко содержит широкую панораму жизни Советского Союза, его внутренней и внешней политики. Он выразил уверенность в том, что предложения, высказанные в обращении К. У. Черненко, найдут широкий отклик у японской общественности. Диалог, который предлагает советский руководитель, сказал он, несомненно будет содействовать делу мира во всем мире.

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

НЬЮ-ЙОРК. 9 июля 1984 года (ТАСС).

В ходе избирательной кампании в США демократическая партия выступила с целым рядом разоблачений нарушения этических норм многими членами администрации Рейгана. В ответ на это администрация

Рейгана инспирировала в печати кампанию против кандидата от демократической партии на пост вице-президента США Дж. Ферраро, обвиняя её в нарушении ведения личных финансовых дел. Одновременно Белый дом прилагает все усилия к тому, чтобы спустить на тормозах громкий политический скандал «рейгангейт». Как сообщал еженедельник «Ньюсуик», министерство юстиции США приняло решение не добиваться назначения специального прокурора для расследования обстоятельств кражи людьми из окружения Рейгана секретной правительственной документации в ходе президентской предвыборной кампании 1980 года.

«КРЫМСКАЯ ПРАВДА»

9 июля 1984 года

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ, ДЕДУШКИНЫ ЦАЦКИ

В самый разгар курортного сезона наш специальный корреспондент прогулялся по набережным посёлка Планёрское и был крайне удивлён, если не доведён до гомерического хохота рассказами о «Карадагском Змее Горыныче», которого якобы видели отдыхающие в дальних бухтах. Впрочем, если обратить внимание на то, как среди отдыхающих расходятся кустарные сувениры, изображающие дракона, становится ясно, кто и с какой целью распространяет эти нелепые слухи.

Сотрудники районного отделения милиции в эти жаркие дни вынуждены отвлекаться от своих обычных, крайне серьёзных дел на выяснение обстоятельств, приведших к этой абсолютно бессмысленной «рекламной кампании» в духе пресловутого Голливуда, не дающей трудящимся возможности в нормальном режиме осуществить своё право на отдых, гарантированное Конституцией СССР.

Планёрское (Коктебель). 7 июля 1984 года

После купания Ирина и Олег решили на пару часов разойтись. Ей нужно было переодеться и привести себя в порядок, а он прекрасно понимал, что девушку надо на некоторое время предоставить самой себе.

Соседка по номеру, Алла, встретила Ирину с той интонацией и тем выражением лица, в которых можно одновременно видеть и бабью зависть, и откровенную иронию:

– Ну, подруга, я гляжу, что ты в этот раз на курорт отнюдь не порожняком сгоняла! А сама-то, сама-то: «Я не такая, я тут за литературу приезжаю...» Интересные книжки-то вчера почитала, а?

Ирина пожалала плечами, в общем-то, совершенно не зная, что отвечать. Во-первых, Алла была девкой, в общем-то, незлобивой и невинной. Они в первый вечер достаточно хорошо поговорили «за жизнь», и обе остались вполне удовлетворёнными. А во-вторых, она представила себе, насколько глупо в её устах будет звучать правда, в полном соответствии с которой её вчера на улице спас от жуликов совершенный красавец, с которым она провела уже больше суток в разговорах об истории и о всяческой мистике, а... больше ничего между ними не было!

Действительно, абсурд какой-то!

– Ну, подруга, не хочешь – не говори. Я понимаю. Но хоть не опасный парень-то? А то я слышала, тут вчера убили двоих из Ленинграда...

– Их не убили. Там несчастный случай был: они от жён оторвались и, как бывает с мужиками, приняли лишнего, а потом решили в удали друг с другом посостязаться. В общем – один сорвался со скалы в море, а второй прыгнул его спасать, и... ну, в общем, не спас.

– И откуда ж ты такие подробности знаешь, а, Ириша?

– Ну да, да! Познакомилась я с парнем, он местный и всех тут знает! Только не спрашивай меня ни о чём, я и сама ещё ничего не поняла!

– Да ладно, ладно! Сегодня-то ночевать придёшь?

Ирина вдруг поняла, что не знает! Это незнание вызвало у неё нервный смешок, который Алла расценила как ответ в стиле «а ты как думаешь?»

– В ПисДом сегодня собираешься? Там вечер Евгения Евтушенко. Ох, как же я его люблю-то!

– Да, мы сегодня туда идём, но не на Евтушенко. Нам нужно встретиться с хранительницей музея...

– «Мы, нам»? Ну ты даёшь, подруга! Быстро это у тебя! А ещё говорила, что после развода на мужиков смотреть не можешь!

Ирина тихо чертыхнулась, зашла в душ и с удовольствием стояла под прохладной водой, смывая с себя остатки морской соли. Потом вышла и села за письменный стол, перебирая бумаги перед сегодняшней встречей. Словосочетание «Карадагский Змей» в документах, связанных с Максимилианом Волошиным, она, конечно же, встречала и раньше, но, перечисляя «источники вдохновения поэтов Серебряного века», никогда не придавала ему того значения, которое неожиданно обрисовалось за последние сутки.

«Так что это всё в любом случае не зря», – говорила она себе.

Олег в это время сидел дома за письменным столом, решив всё-таки чуть подробнее разобрать архив, оставленный ему отцом.

Кроме изрядно встряхнувшего его письма, в коробке были все его награды на подушечках, которые, видимо, заботливый военком сложил сразу после похорон. Среди документов лежал и военный билет, все данные которого полностью соответствовали тому, что было в письме, а кроме того, были обозначены служебный рост Сергея Князева и все переименова-

ния Конторы, случившиеся с 1927 по 1950 год, которым заканчивался официальный срок его службы.

Чуть ниже лежали несколько фото, одно из которых он хорошо помнил: мать с букетом цветов и отец с ним самим, завёрнутым в одеяло, на руках.

Было ещё фото, на котором рядом с Домом Волошина стояли явно представители богемы, но Олег никого из них не мог узнать.

Что Олега удивило, так это каменная фигурка змея, полностью идентичная тем, которые продавались сегодня на набережной.

Ничего более интересного там не было.

Олег аккуратно сложил содержимое коробки и стал готовиться к вечернему визиту в Дом.

Коктебель. Сентябрь 1927 года

– Смотри, Серёжа, и мотай на ус, которого у тебя пока ещё нет!

Глеб Иванович Бокий, начальник Спецотдела ОГПУ, весело посмотрел на молодого спутника и ударом ноги распахнул дверь биостанции. На вскочившего охранника он даже не взглянул, да и тот сразу прижался к стенке, увидев форму и околыши фуражек непрошенных гостей.

Не прерывая разговора с Князевым, Бокий сделал охраннику вопросительный жест, означавший вопрос «где». Парень, так и не отклеившись от стены, махнул рукой в сторону дальней двери. А Бокий продолжал:

– Ты, Серёжа, чекист. Молодой, перспективный, тебе с разной конторой разговаривать придётся, и не то чтобы я их жалел: пару зубов-то выбить никогда не вредно, но – время. Время – штука очень дорогая, нужно уметь его максимально концентрировать в наших интересах. Твой... скажем так, собеседник должен не успеть собраться и с первых секунд разговора испытать животный страх, тогда в его словах можно не сомневаться – чистая правда. Нам ведь с тобой сегодня перед отъездом домой ещё нужно вина крымского попить и с барышнями интересными познакомиться, но – никак не в ущерб делу революции! Поэтому первую фазу разговора с директором будем максимально сокращать. И учти: какие бы у тебя ни были наработаны заготовки, всё решает первый контакт, дальше – импровизация. Но она должна быть точной.

С этими словами он резким ударом ноги распахнул дверь кабинета директора, да так, что она ударилась о стенку и, похоже, дала трещину.

Хруцкий сидел за столом. Рядом с ним стояла женщина с какими-то бумагами.

– Да что вы здесь себе!.. – начал он, вскакивая с кресла, но следующие слова застряли у него в горле, так и не выйдя наружу. Женщина с бумагами исчезла так незаметно, как будто испарилась или провалилась под пол.

Бокий стоял, расставив ноги и скрестив руки на груди. Его совсем не зловещая улыбка была как бы радостной и приветливой, но это настолько не согласовывалось с ситуацией, что страх, ворвавшийся вместе с ними в кабинет, концентрировался все сильнее с каждой секундой паузы, которую профессионально держал Глеб Бокий.

Хруцкий делал попытки что-то сказать, челюсть его дрожала, но дикий страх выразился совсем неожиданно: Князев увидел, как парусиновые брюки директора потемнели в промежности и сквозь правую брючину, журча, потекла жидкость.

Через минуты полторы он всё-таки выдавил:

– Чем могу быть полезен?

– Да просто своей хорошей работой на благо мировой революции и быстрым конкретным ответом на некоторые вопросы. Понятно?

Хруцкий растерянно кивнул.

– Ну тогда быстро и чётко разъясните нам с товарищем все слухи, которые дошли аж до Москвы, связанные со словами «Карадагский Змей». Естественно, с научной точки зрения. Всю лирику я уже выслушал от поэта Волошина. Впечатлило.

– Я... не знаю, что вам можно сказать, ведь это всё, как я думаю, не должно подлежать огласке...

Бокий взял со стола неизвестно как там оказавшееся полотенце, бросил под ноги профессору и очень ласково продолжил:

– Правильно полагаете. Теперь сделайте ещё одно усилие, шевельните своими профессорскими извилинами и сообразите, что мне-то как раз можно рассказывать абсолютно всё. Причём в том числе и с целью предотвращения лишних разговоров.

Посмотрев на полотенце в луже мочи под ногами и пряча неловкость, Хруцкий вздохнул и, глядя в пол под сапогами Бокия, ответил:

– Понимаете, товарищ Бокий, здесь на Карадаге в течение ряда лет были зафиксированы наблюдения, которые не укладываются в общепринятые теории. Организмы, которые появляются ниоткуда, адаптации без мутаций, повторяющиеся морфологические аномалии. Биосфера здесь словно самовоспроизводит себя по каким-то иным, не дарвиновским законам...

Улыбка Бокия куда-то исчезла, он сам сконцентрировался и, всё так же глядя Хруцкому в глаза, произнёс неожиданно мудрёный текст:

– Если это так... то, получается, что мы имеем дело не с флорой и фауной, а с механизмом. Потенциально управляемым. И если что-то может самопроизвольно порождать формы... то при нужной настройке будет порождать и те формы, которые нужны нам. Так? Так нам говорит современная наука?

Хруцкий робко кивнул.

– А давайте-ка мы с вами прогуляемся. Серёжа, посмотри пока вокруг, чтобы никто из сотрудников не подсматривал, как их руководитель оконфузился. Нам его авторитет ронять не нужно, ему здесь ещё работать и работать... я надеюсь.

Они вышли из здания биостанции. Князев чуть поотстал и дальнейшей беседы не слышал.

Внизу плескалось холодное, как бы металлическое после шторма, море. Над Карадагом, как прожектор с вышки, светило осеннее солнце. Их шаги отдавались в тишине пустых тропинок, персонал весь попрыгался, и только где-то вдалеке хрипло кричала чайка.

– Я так понимаю, – продолжил Бокий не оборачиваясь, – что организмы с такой морфологией не упоминаются даже в архивах Зоологического института.

Хруцкий сглотнул. Голос его всё ещё дрожал, не столько от сырости, сколько от той сцены, что разыгралась полчаса назад в его кабинете. Он не мог забыть, как вдруг почувствовал, что не в силах сдержать струю между ног, и как Бокий, молча, даже без усмешки, протянул ему чистое полотенце. Собраться стоило огромных усилий, но совершив это, профессор заговорил сбивчиво, однако быстро, как будто его сознание само торопилось избавиться от секретов.

– Да, это так, – кивнул он теперь, будто запоздало подтверждая и ту сцену, и свою капитуляцию. – Эти формы... они не похожи ни на одну известную морскую фауну. Ни на рыб, ни на медуз, ни на слизней... Я бы подумал на занос из глубин, но их слишком много. И главное: похоже, тут есть связь с активностью земной коры. Как будто что-то внутри потухшего вулкана... будит их.

– Вы хотите сказать, что они производятся прямо здесь?

– Да, – кивнул Хруцкий, – именно. Возникают там, внутри. Гроты Карадага ещё совершенно не исследованы. Мы наблюдали несколько эпизодов: появились спонтанно, без яиц, без икры, без личинок. Без предшествующего роста. Просто – раз и... есть.

Они прошли через усадьбу Карадагского природного заповедника и вышли на обрыв. Под ними клубился туман, видневшаяся вдалеке Разбойничья бухта словно прислушивалась. Слева от них высился хребет Карагач, входящий в горный массив Карадаг, вход на который как бы охраняли две каменные скалы, похожие на короля и королеву, сидящих на изысканных тронах. Бокий остановился, закурил, выдохнул дым в сторону моря.

– И это не единичный случай?

– С весны наблюдаем. До землетрясения были редкие одиночные формы. После – вал. Мы взяли три пробы, одна погибла, две до сих пор сохраняют активность. И странную чувствительность. Они как будто... слышат.

– Что?

– Свет. Шаги. Иногда мысли. Простите, я понимаю, как это звучит... Но у нас было ощущение, что одна из них начала повторять движения лаборанта. Зеркально. Впрочем, мы

выяснили, что размножаться самостоятельно они не могут. По крайней мере – пока. Проходит пара дней, и они... вянут. А потом Карадаг выдаёт новую порцию. Или не выдаёт...

Бокий задумался, а потом выстрелил новым вопросом:

– А дельфины?

– Что – дельфины? А-а... Понимаете, здесь у них совершенно особая популяция. Они живут в море своей жизнью, только некоторые с явно прослеживаемой регулярностью приплывают сюда... но не задерживаются, а как бы с проверкой – всё ли нормально.

Бокий не ответил. Он смотрел вдаль. Ветер трепал полы его шинели, лицо оставалось неподвижным, но пальцы дрожали на папиресе.

– Поэт Волошин, – сказал Хруцкий вдруг, – сказал мне, что Карадаг и сам *живой*. Что он *слышит*. Я его как-то переспросил, а он улыбнулся: «И отвечает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.